

Глава пятая

Вопрос о численности союзных армий во Франции

1. Британская армия

Весной 1918 г. британская армия, едва оправившаяся от кровавых потерь, понесенных во время ее наступлений в 1917 г., подверглась двум тяжким испытаниям подряд: германскому наступлению на Аррас, Амьен, начавшемуся 21 марта, и германскому наступлению во Фландрии, начавшемуся 9 апреля. Первое обошлось ей более чем в 120 000 человек; второе довело эту цифру почти до 300 000, в том числе 14 000 офицеров.

Пополнения, посылаемые из Англии, далеко не возмещали этих потерь, особенно в командном составе.

Правда, в июле и августе можно было рассчитывать на возвращение в строй значительного числа раненых в первых сражениях после их выздоровления; можно было также предвидеть, что к тому времени скажется действие военных законов, недавно принятых парламентом. Но до тех пор каким образом пополнить огромную убыль в британских войсках?

Не найдя другого выхода, фельдмаршал Хейг решил расформировать дивизии, которые он не мог укомплектовать: 5 дивизий — после германского наступления на Сомме и 4 — после сражения во Фландрии. Таким образом, состав британской армии сократился до 51 полевой дивизии.

Исчезновение такого большого числа дивизий имело, помимо прочих серьезных последствий, ту отрицательную сторону, что уменьшало общее количество союзных резервов как раз в то время, когда германские свободные силы возрастали¹. 11 мая я обратился к фельдмаршалу Хейгу с просьбой обеспечить сохранение всех английских дивизий и указал ему некоторые способы, которые, по моему мнению, позволяли добиться этого. Но Хейг заявил, что эти способы неосуществимы. Тогда я предложил ему восстановить по крайней мере некоторые из дивизий, намеченные к расформированию, хотя бы для того, чтобы показать лондонскому правительству всю важность сохранения возможно более высокого числа английских дивизий. Ввиду моих настояний

¹ По расчетам французского штаба, эти свободные силы составляли на 25 апреля 69 дивизий, на 10 мая — 70 дивизий и на 19 мая — 81 дивизию.

Хейг потребовал от английского военного министерства, чтобы, за неимением людей, пригодных для участия в активных операциях, ему посылали контингенты худшего качества, которые он использовал бы на спокойных участках. Таким образом, состав общего резерва не пострадал бы.

Я немедленно же указал на опасность разделения британской армии на дивизии двух категорий: полевые и оккупационные (ударные и позиционные). Надо сказать, что эта идея пользовалась довольно большим успехом в германской армии, но это не значит, что она была правильной. Напротив, надо было стараться формировать приблизительно равнокачественные дивизии, одинаково боеспособные. Уклоняясь от этой линии поведения, мы поощрили бы некоторые правительства к тому, чтобы не делать необходимых усилий. Чтобы тотчас же придать делу надлежащее направление, я просил французское правительство немедленно сделать соответствующее представление Ллойд-Джорджу.

Я сам 20 мая говорил об этом в Абвиле с ген. Вилсоном. Я объяснил ему настоятельную необходимость укомплектовать все английские дивизии и не допустить установления между ними различия. Вилсон заявил, что он вполне согласен со мной, и вскоре затем сообщил мне, что английское правительство решило послать во Францию на 70 000 человек больше, чем было намечено.

Однако вскоре после этого германское наступление на Шмен-де-Дам 27 мая снова снизило численность английских войск: 5 британских дивизий были расстроены этим наступлением и понесли большие потери.

Я немедленно написал ген. Вилсону личное письмо, прося его ускорить укомплектование английской армии.

Со своей стороны, Хейг представил мне 10 июня план восстановления своих дивизий. Выражая ему свое удовлетворение по поводу решения вопроса, которому он сам придавал большое значение, я обратил внимание фельдмаршала, с одной стороны, на желательность придания временного характера использованию контингентов «Б», а с другой — на необходимость придать дивизиям, укомплектованным этими контингентами, большое количество артиллерии и пулеметов.

Однако было бы слишком оптимистически рассчитывать на то, что силы британской армии будут восстановлены в ближайшем будущем. Чтобы перековать свое боевое ору-

жие и снова наладить его, ей требовалось еще несколько недель. Она могла восстановить свою боеспособность не ранее конца июля, и ей приходилось ждать начала сентября для укомплектования всех своих соединений, за исключением двух дивизий, которые было окончательно решено сохранить лишь в виде кадров. Таким образом, с середины апреля до середины июля положение английской армии оставалось весьма шатким.

2. Французская армия

Не пострадав так сильно, как британская армия, французская армия, поспешившая к ней на помощь, подверглась с 21 марта многим испытаниям, которые не могли не отозваться на ее численном составе. Порученный ей фронт удлинился на 120 км; она 86 раз вводила в бой свои дивизии и понесла чувствительные потери, особенно во время сражения во Фландрии.

Ген. Петэн также встретился с большими затруднениями при укомплектовании своих соединений. Небольшой людской запас, которым он располагал, не позволял ему дожидаться прибытия на фронт людей призыва 1919 г., и хотя он просил военного министра отдать ему 200 000 человек, занятых в военной промышленности внутри страны, он получил из этого числа только 40 000.

Таким образом, к концу весны 1918 г. Франция и Англия испытывали величайшие затруднения при пополнении потерь, понесенных их армиями.

Но возможным выходом из этого тяжелого положения являлось обращение к Соединенным Штатам, огромному, еще не тронутому резерву живой силы. В какой же мере Америка была способна оказать в эту минуту союзникам немедленную помощь, в которой они нуждались?

3. Американская армия

В середине апреля, когда кризис численного состава франко-британской армии особенно обострился, американская армия насчитывала во Франции только пять полевых дивизий, из которых одна (1-я) должна была войти в состав французской 1-й армии, три (2, 26 и 42-я) занимали спокойные участки фронта, а последняя (32-я) была временно

распределена по французским дивизиям для завершения своей боевой подготовки.

Итак, эта пехота представляла собой единственную непосредственную помощь, которую оказывала американская армия в смысле пополнения потерь французской армии. Если добавить сюда два американских негритянских полка, находившихся в составе наших дивизий, это составляло в общем итоге 23 000 человек пехоты,— количество, которое, как мы видим, далеко не отвечало насущной потребности.

Правда, в течение апреля во Францию должна была прийти пехота еще двух американских дивизий (3 и 5-й), но войти в состав французских соединений она могла только через 3—5 недель.

Что же касается британской армии, то помощь, оказанная ей американской, сводилась в данный момент к пехоте одной дивизии (77-й), находившейся в пути.

В общем для пополнения своих очень значительных потерь в пехоте франко-британские армии не могли рассчитывать немедленно или в ближайшем будущем больше чем на 70 000 американских пехотинцев.

Бесспорная недостаточность этой цифры требовала устранения ошибки, допускавшейся до сих пор в отношении перевозки американской армии во Францию. Прежде всего нужно было, чтобы в течение нескольких месяцев Соединенные Штаты посылали союзникам исключительно пехоту без всяких других родов войск; только при этом условии британская и французская армии могли получить те 300 000 или 350 000 пехотинцев, которые были необходимы им, чтобы преодолеть переживаемый кризис численности личного состава. Эту точку зрения я и изложил в подробной записке председателю совета министров, прося его сделать соответствующее представление американскому правительству, чтобы добиться проведения ее в жизнь.

Американское правительство уже знало об этом и, казалось, разделяло взгляд главнокомандующего союзными армиями. Оставалось убедить ген. Першинга, который, не отдавая себе отчет в неотложности текущих подробностей, всецело находился во власти стремления как можно скорее командовать большой американской армией.

Мы легко договорились по этому вопросу 25 апреля в Саркюсе на совещании, где присутствовал также ген. Блисс. После подробного обсуждения было решено, что в течение

мая и июня американцы будут в принципе перевозить в первую очередь только пехотные войска. На май это было делом решенное; на июнь было обусловлено, что окончательное решение будет принято несколько позднее, но теперь же было заявлено, что вашингтонское правительство подготовит к отправке во Францию пехоту по крайней мере в составе шести дивизий.

В то же время на этом совещании выяснилась настоящая необходимость направить работу, которая велась в Соединенных Штатах, и координировать ее в интересах коалиции: направить так, чтобы приспособить ее к последовательным требованиям во времени; координировать так, чтобы избежать частных соглашений, вроде соглашения, заключенного между Першингом и лордом Милнером и доложенного в конце заседания 25 апреля,— соглашений, которые ведут только к распылению усилий. Одним словом, надо было, чтобы союзные правительства рассмотрели вопрос об американских войсках во всей его совокупности и совместно приняли надлежащее решение. Это и произошло 1 и 2 мая в Абвиле и привело к следующим решениям:

1. Британское правительство обязалось предоставить тоннаж, необходимый для перевозки из Соединенных Штатов во Францию 130 000 человек в мае и 150 000 человек в июне, исключительно пехоты и пулеметчиков.

2. Американский тоннаж будет использован для перевозки артиллерийских и инженерных частей, служб и т. д.

3. В начале июня положение подвергнется новому рассмотрению, чтобы установить дальнейший порядок перевозок.

Как мы видим, эти решения имели величайшее значение. Они вполне удовлетворили нас, так как благодаря помощи английского флота к 1 июля во Франции должно было находиться до 450 000 американских пехотинцев и пулеметчиков, прибывших для пополнения потерь британской и французской армий; ген. Першинг же, со своей стороны, продолжал в то же время перевозку других родов войск и служб посредством американского тоннажа и мог бы вскоре сформировать во Франции самостоятельные американские дивизии. Таким образом, были обеспечены как частные интересы американцев, так и общие интересы коалиции.

Тогда как, используя только свои собственные средства, Америка смогла перевезти только 60 000 человек в марте и 93 000 человек в апреле 1918 г., с британской помощью

цифры эти возросли до 240 000 в мае и 280 000 в июне.

Но в связи с быстрым прибытием этих больших масс возникали другие задачи. Времени на то, чтобы закончить в Америке обучение и организацию этих войск, не было; пришлось возобновлять и заканчивать это во Франции.

Между тем, если задача обучения была сравнительно легкой разрешима, задача организации и снабжения войск боевыми средствами, необходимыми для современной армии: снаряжением, вооружением, всякого рода имуществом, лошадьми и т. д., была гораздо сложнее. Во избежание ошибок и потери времени приходилось весьма внимательно следить за этим делом.

С этой целью при моем штабе был организован в Париже отдел, возглавлявшийся помощником начальника штаба и имевший задачей централизовать и согласовывать все вопросы, касавшиеся завершения организации американских дивизий.

Глава шестая

Германское наступление от Реймса до Мондидье

(27 мая—13 июня)

1. Наступление на Шмен-де-Дам

(27 мая—4 июня)

С 9 мая германские атаки во Фландрии прекратились, а 18-го, как мы видели, ген. де-Митри был отдан приказ сократить количество войск в первой линии и увеличить свои резервы. Было также приказано коменданту Дюнкерка понизить уровень наводнений, чтобы уменьшить неудобства, причиняемые ими местному населению.

Период сражений, начало которых было отмечено громом немецких орудий 21 марта, сменился затишьем, от которого мы успели отвыкнуть почти за два месяца. Что скрывало за собой это молчание? Было известно, по сведениям разведывательного отдела штаба главнокомандующего, что противник располагает большими свободными силами в количестве 76—80 дивизий, т. е. еще более значительными силами, чем в день его первого наступления между рр. Скарп и Уазой. Где они появятся? Мы пристально вглядывались в горизонт, тщетно стараясь разгадать тайну. Фельдмаршал Хейг считал,

что ему угрожает новое германское наступление между Амьеном и морем с нанесением главного удара в районе Альбера или Ипра. Ген. Петэн также склонялся к этому предположению: действительно, он больше не опасался наступления противника в Шампани, а за неимением подтверждения другими данными не верил показаниям пленных, которые 19 и 22 мая заявили, что между Уазой и Реймсом готовится германское наступление большого масштаба.

Внимательно следя за разведывательной работой моих подчиненных, я вовсе не собирался допустить, чтобы деятельность союзных армий ограничивалась исключительно догадками о замыслах противника и обсуждением их. На них лежала другая неотложная задача — готовиться, в свою очередь, к переходу в наступление. Действительно, только наступление позволит им победоносно закончить сражение и, захватив инициативу, вновь получить моральный перевес.

Так как мы должны были соблюдать строгую экономию сил, это наступление должно было преследовать цели, соразмерные жертвам, которых оно потребовало бы. Этому условию удовлетворяли два района:

1. Местность между Уазой и Соммой, на которой было возможно комбинированное наступление французских 3-й и 1-й армий и правофланговой группы британской 4-й армии с целью ликвидировать угрозу железной дороге Париж — Амьен и узлу сообщений Амьен.

2. Район р. Лис, где комбинированное наступление 2-й армии и Северной армейской группы имело бы целью ликвидацию угрозы Бетюнскому угольному бассейну и Ипру.

Когда были намечены эти два района, каждому из главнокомандующих был послан общий план наступления союзников.

Оба наступления должны были подготавливаться одновременно и без промедления. Если бы противник не перешел в наступление, они давали нам возможность захватить его врасплох мощным наступлением. Если бы он атаковал, они явились бы в руках командования ответом, быть может, очень необходимым.

Из этих двух наступлений более крупным в отношении вводимых в дело сил было наступление между Уазой и Соммой. Разработка плана наступления была предпринята немедленно после моего вступления в должность в Дулане; ее

зяли на себя Петэн и Файоль, так чтобы «организовать операцию не только крупными силами, но и быстро».

Участие британской армии было урегулировано в особом письме фельдмаршалу Хейгу.

Подготовка к наступлению на р. Лис находилась еще в более ранней стадии готовности. Как мы видели, фельдмаршал уже принял меры для наступления в направлении на Мервиль, Эстер, но зато в районе Кеммеля и Ипра все надо было начинать с самого начала, и можно было предвидеть, что подготовительный период затянется на довольно продолжительное время. Действительно, приходилось приводить в порядок войска, только что вышедшие из тяжелого сражения, и создавать исходную базу на еще плохо оборудованных позициях. Приходилось также проводить перегруппировку союзных сил во Фландрии, где необходимость быстрого оказания помощи привела к перемешиванию французских и английских дивизий, что очень затрудняло управление войсками.

Так обстояло дело, когда мы внезапно узнали, что вот-вот должно начаться новое германское наступление и что на этот раз оно будет направлено против французского фронта. 26 мая после полудня германские пленные показали, что следующей ночью будет предпринято наступление на Шмен-де-Дам после короткой артиллерийской подготовки, начатой в 1 час ночи. Эти сведения оказались правильными.

В указанный час германская артиллерия начала на фронте Реймс, Куси-ле-Шато, полосе глубиной в 10—12 км, чрезвычайно сильный обстрел с массовым применением химических снарядов; на некоторых участках насчитали более 30 батарей на 1 км.

В 3 ч. 40 м. пехота противника пошла в атаку на фронте в 55 км от Бримона до Лейи и под прикрытием очень плотного подвижного заградительного огня, поддержанная на некоторых участках танками, одним натиском ворвалась глубоко в расположение французских войск. Внезапность была почти полной, а наступление предпринято очень значительными силами.

30 германских дивизий (7-я армия ген. фон Бена и правофланговая группа 1-й армии ген. фон Белова), перевозка на место и сосредоточение которых остались незамеченными, ринулись на захват Шмен-де-Дам, и эта мощная ударная масса встретила на своем пути только 7 союзных дивизи-

зий, 4 французские и 3 британские в первой линии, поддерживаемые в тылу 2 французскими и 1 английской дивизией.

Наступающий легко преодолел их сопротивление. В частности, в центре французская 22-я и британская 50-я дивизии были буквально затоплены волной германцев. Быстро овладев плато, по которому протекает Шмен-де-Дам, противник продвинулся до Эны. В 10 час. он уже захватил эту реку от Вайи до Эйи.

К несчастью, с самого начала наступления командующий 6-й армией двинул почти всю 157-ю дивизию, находившуюся на Эне, на поддержку первой позиции и, таким образом, оставил столь важный тыловой рубеж, как р. Эна, почти без всякого обеспечения на широком фронте. По роковой случайности немцы нанесли свой главный удар именно в этом направлении. Таким образом, они подошли к реке, не встречая сопротивления, и, благодаря быстроте своего продвижения, смогли захватить все мосты между Вайи и Понтавером прежде даже, чем были заряжены подрывные камеры.

Положение стало для нас очень серьезным. «В 11 час. утра нельзя было питать никаких иллюзий»¹. Еще свободные 3 дивизии резерва были переданы корпусам и использованы против обоих флангов наступающих германцев в попытке хотя бы ограничить ширину фронта наступления; но в центре, в прорыве шириной в 15 км, противник, свободный в своих движениях, быстро продвигался к р. Вель, к которой он подошел вечером между Курландоном и Бреном; только Фим оборонялся первыми частями французской 13-й дивизии, быстро подвезенной на автомобилях.

Здесь повторилась ошибка, которую мы уже видели 23 марта на Сомме.

Водная преграда, находящаяся в 10 км или больше от первой позиции, как, например, Эна или Сомма, представляет собой препятствие, задерживающее победоносное наступление противника, заставляющее его возобновлять планомерную артиллерийскую подготовку, если только обороняющийся принял меры обеспечения на этом рубеже, а именно — оставил на каждом мосту по роте или даже взводу с единственной задачей оборонять и прикрывать переправы.

Под прикрытием этих постоянных гарнизонов войска первой линии, отброшенные и отступающие в беспорядке под

¹ Отчет маршала Петэна.

натиском мощного наступления, могут отойти через переправы, привести себя в порядок в тылу преграды, не подвергшись преследованию, и восстановить свои силы.

Противник, дойдя до водной преграды, вынужден для формирования ее организовать новую артиллерийскую атаку и вновь начинать целую операцию.

Возражение, будто отсутствие отрядов, оставленных на реке, почувствуется во время сражения в первой линии, несостоятельно. Ввиду их небольшой численности они сами по себе не представляют серьезной силы, могущей дать ощутительный эффект в этом сражении, если ввести их в бой одновременно.

Зато, будучи расположены на реке, они, несмотря на свою незначительную численность, получают особое значение на опорных пунктах поля сражения, например, на переправе через Эну или Сомму. Они кладут конец преследованию со стороны противника и позволяют потесненным войскам возобновить сопротивление в тылу ясно очерченного рубежа.

В итоге обладание переправами через реку посредством хорошо организованной службы охраны является обязательной мерой предосторожности для командования, желающего сохранить свободу действий по ту сторону реки или на самой реке. Это было упущено как на Сомме, так и на Эне.

27 мая после полудня ген. Петэн осведомил меня о мерах, спешно принятых им ввиду серьезности обстановки.

На место уже подвозились штаб 5-й армии, 6 пехотных дивизий, 1-й кавалерийский корпус в составе 3 дивизий, 4 полка легкой полевой артиллерии на грузовиках и 6 дивизионов тяжелой тракторной артиллерии, а также авиационная группа из состава воздушной дивизии.

Половина пехотных дивизий и 2 кавалерийские должны были принять участие в сражении уже на следующее утро.

28-го противник, опрокинув немногочисленные части, оказавшие ему сопротивление в районе Фима, переправился на широком фронте через р. Вель и расположился на плоских возвышенностях к югу от этой реки, не стараясь, впрочем, продвинуться дальше.

С другой стороны, он комбинирует фронтальные атаки

с атаками с тыла и, таким образом, опрокидывал сопротивление, встречаемое им на обоих флангах. На востоке, быстро продвигаясь по долинам рр. Вель и Ардр, он отбросил английский 9-й корпус на высоты Сен-Тьери и Савиньи; на западе он отнял у нашего 11-го корпуса плато, господствующее с северо-востока над Суассоном, а к наступлению темноты ворвался даже в самый город.

Тщетно командующий французской 6-й армией бросал навстречу немцам прибывающие к нему батальоны по мере их выгрузки; 4 пехотные и 2 кавалерийские дивизии, введенные таким образом в бой в течение 28 мая, оказались бессильными заполнить разрыв, который расширялся с каждым часом.

Надо было в самом спешном порядке подвозить новые силы, и 28-го Петэн доложил мне в Провене, что, кроме тех резервов, о переброске которых он доносил мне накануне, он отдал приказ о перевозке 10 пехотных дивизий, 4 полков тяжелой артиллерии, 3 полков легкой полевой артиллерии на грузовиках из состава Северной армейской группы; с другой стороны, он предписал ген. Файолло снять со своего фронта 4 пехотные дивизии и направить 2-й кавалерийский корпус на Крей и Шантийи.

В итоге в район сражения перебрасывались почти все свободные французские силы.

Решение, принятое, таким образом, Петэном, отвечало насущным требованиям обстановки, и на первых порах я мог только одобрить его. Но с общей точки зрения оно имело последствия, против которых необходимо было немедленно принять все доступные меры.

Так, вся 5-я армия, т. е. ее штаб и все 4 дивизии, входившие в ее состав, была переброшена на юг от Уазы, а с нею — одна из двух французских групп, составлявших общий резерв в английской зоне.

Отсюда вытекала необходимость для фельдмаршала Хейга принять меры против возможного германского наступления, используя почти исключительно свои собственные силы, а для этого создать британский общий резерв, который мог бы быть своевременно введен в дело в желательном направлении. Я просил об этом Хейга в письме от 28 мая.

В то же время я приказал командующему 10-й армией принять все меры к тому, чтобы в случае необходимости выступление французских сил, которые теперь свелись к 4 ди-

визиям этой армии, на любом участке английского фронта могло произойти *во-время и безошибочно*.

Наконец, чтобы облегчить ген. Петэну задачу создания новых резервов, я приказал ген. де-Митри в кратчайший срок вернуть в распоряжение главнокомандующего части усиления 36-го корпуса и принять меры для снятия с фронта одной дивизии путем расширения фронта остальных дивизий.

Противник, добровольно остановившийся 28 мая на плато к югу от р. Вель, не продолжая наступления по открытому пространству, южнее¹, 29-го возобновил наступление с еще большей силой, чем в предыдущие дни. В этот день его центр нанес мощный удар в направлении Ульши-ле-Шато, Фер-ан-Тарденуа, Виль-ан-Тарденуа и, встречая на своем пути только слабые французские части, неспособные оказывать у него пространство и уже сильно потрепанные, быстро продвинулся на фронте в 25—30 км и к вечеру вышел на высоты, командующие над северным берегом Марны между Шато-Тьери и Дорманом.

Его правый фланг также энергично перешел в наступление против района Суассон, но встретил здесь гораздо более стойкое сопротивление. Однако ему все же удалось отбросить оборонявшиеся французские части на запад от Суассона и на плато к югу от этого города.

На левом фланге германцев их атаки были менее сильными, но, благодаря продвижению к Марне в центре, они

¹ Причина эта вскоре выяснилась. Во время предыдущих наступлений против англичан (21 марта, 9 апреля) немцы после начального успеха каждый раз задерживались подоспевшими французскими резервами.

Прежде чем предпринять новое наступление против британского фронта во Фландрии, они решили отвлечь и сковать эти резервы; отсюда — наступление против Шмен-де-Дам 27 мая.

Первоначально это наступление имело ограниченную цель: овладение плоскими возвышенностями к югу от р. Вель, чем и объясняется остановка, отмеченная 28-го пополудни.

Но вечером ввиду неожиданного успеха, достигнутого за истекшие два дня, верховное командование изменило свои планы и приказало возобновить продвижение:

— с одной стороны, — в юго-западном направлении с целью продвинуться дальше Суассона и выиграть как можно больше пространства в направлении на Париж;

— с другой стороны, — в южном направлении, чтобы как можно скорее дойти до Марны, перерезать железную дорогу Париж — Нанси и создать прочное предместное укрепление на южном берегу реки.

заставили союзные войска отойти к шоссе Реймс, Виль-ан-Тарденуа.

Таким образом, мы уступили территорию на всем фронте, а так как дивизии, перебрасываемые на помощь 6-й армии, таяли по мере того, как она бросала их на поле сражения, то эта армия оставалась настолько угрожающе слабой по сравнению с противником, что ген. Петэн спрашивал себя, удастся ли ему достигнуть намеченной цели, т. е. неприкосновенности Марны и сохранения в наших руках Реймской горы и плато к югу от Суассона.

В полдень 29-го ввиду продолжения германского наступления он просил меня предоставить в его распоряжение 10-ю армию и добиться смены Северной армейской группы англичанами и бельгийцами.

Я не мог полностью удовлетворить эту просьбу. Несмотря на мощь наступления, предпринятого к югу от Уазы, противник имел еще достаточно свободных сил¹, чтобы провести другое наступление, в районе Соммы и на севере. В предвидении этой возможности было бы преждевременным выводить 10-ю армию из британской зоны; однако, оставив входившие в ее состав соединения в том районе, в котором они были расположены, их подтянули поближе к удобным погрузочным платформам.

С другой стороны, я добился от ген. Жиллена, чтобы бельгийская армия, сменив части английского левого фланга, удлинила свой фронт до ближайших подступов к Ипру, чтобы дать возможность создать новые британские резервы. Чтобы облегчить задачу бельгийской армии, английская 2-я армия должна была предоставить в ее распоряжение некоторое количество батарей, а в случае необходимости оказать ей широкую поддержку своими резервами.

Но я сообщил фельдмаршалу Хейгу, что французская 10-я армия может оказаться вынужденной покинуть английскую зону, и вместе с тем предупредил его, что в случае, если противник введет все свои свободные силы в дело на французском фронте, мне, может быть, придется призвать на помощь британский общий резерв, только что выделенный фельдмаршалом.

Тем временем, чтобы дать Северной армейской группе

¹ 29 мая считали, что кронпринц баварский имеет в резерве около 30 свежих дивизий.

необходимые ей дивизии, Петэн вынужден был взять их из резервной группы армий и, несмотря на всю опасность такой меры, приказал ген. Файолу перевести в резерв 7—8 дивизий. Последний мог сделать это, только сняв их со своего фронта и отдав свои собственные резервы, т. е. в итоге ослабив особенно ответственный участок — стык между британскими и французскими армиями. Чтобы по возможности укрепить этот участок, я возложил на фельдмаршала Хейга заботу о подкреплении правого фланга английской 4-й армии к югу от Соммы и об обеспечении тесной связи с французской 1-й армией.

Из этого мы видим, насколько напряженной была обстановка и как остро чувствовался недостаток живой силы.

Между тем 30 мая германские атаки продолжались с прежней силой; их главный нажим опять чувствовался в центре, с одной стороны, в направлении на Марну, которой противник достиг на всем фронте от Шато-Тьери до Дормана, с другой — в направлении на Урк и лес Виллер-Котрэ, где французская 6-я армия довольно далеко подалась назад.

Точно так же к северу от Суассона немцы снова продвинулись вперед и отбросили французов на плато Нуврон.

Только со стороны Реймса положение становилось все более устойчивым ввиду прибытия на фронт французской 5-й армии, очень облегчившего командованию организацию обороны.

Поле действия противника, казалось, ограничивалось в данное время районом, заключенным между Марной у Дормана и Уазой у Нуайона, но на этом пространстве, на фронте более 100 км, шло ожесточенное сражение. Германское верховное командование вводило в дело свои резервы. 30 мая было установлено присутствие здесь 6 новых дивизий, прибывших с фронта кронпринца баварского, а авиация, со своей стороны, доносила о движении сильных германских колонн на запад в общем направлении на Париж.

Вот почему Петэн, прочно организовав оборону южного берега Марны, решил сосредоточить все свои усилия именно на этом направлении, и в помощь ему я распорядился немедленно перебросить 10-ю армию с ее 4 дивизиями из британской зоны в район Марны.

Это перемещение было тем более необходимо, что штаб французского главнокомандующего все время получал многочисленные и точные сведения, заставлявшие ожидать расши-

рения района германского наступления до западного берега Уазы от Нуайона до Мондидье. Германское верховное командование, несомненно, хотело во что бы то ни стало проложить себе дорогу на Париж.

В самом деле, 31 мая между Марной и Уазой разыгрались ожесточеннейшие бои; французские войска, все еще недостаточной численности, отошли далеко назад по долине Урка и были отброшены на подступы к лесу Виллер-Котрэ, тогда как к северу от Нуайона им пришлось очистить Нувронское плато.

Настоятельную просьбу Петэна о предоставлении в его распоряжение части дивизий Северной армейской группы и американских дивизий, обучающихся в британской зоне, а также об отправке нескольких свободных английских дивизий в тыл резервной группы армий, в настоящий момент нельзя было удовлетворить, так как возможность германского наступления на британском фронте все еще была налицо. Установление присутствия на Марне нескольких соединений с фронта кронпринца баварского было еще недостаточно, чтобы отвергнуть эту возможность.

Помимо этого, предстоявшее в ближайшем будущем прибытие в Северную группу армий 10-й армии и двух новых обученных американских дивизий (3 и 5-й) в дополнение к дивизиям, выделенным Петэном из резервной группы армий и Восточной группы армий, должно было позволить ему восстановить положение, конечно, при том условии, что на всех ступенях командования будет выработана твердая линия поведения, будут отданы соответствующие приказы и обеспечена строжайшая проверка их выполнения.

По моему мнению, это условие являлось в данный момент решающим, и только выполнение его позволяло предотвратить кризис. Я ясно высказал это ген. Петэну и Дюшену в Трильпоре, после полудня 31 мая.

Однако, напоминая командованию об его основной обязанности, надо было продолжать подготовку необходимых ему сил. В тот же день, 31 мая, принимая в Саркюсе фельдмаршала Хейга, я переговорил с ним о возможном использовании американских дивизий, обучающихся в английской армии, на французском фронте, о возможном уходе двух дивизий Северной армейской группы, о помощи, которую британская армия может быть призвана оказать в случае сильного наступления противника на французском фронте, и

о мерах, которые надо было предусмотреть теперь же для подготовки этой помощи.

1 июня противник, непрерывно продолжая свои атаки, снова значительно продвинулся вперед, с одной стороны, между Марной и Урком, с другой — в направлении на лес Виллер-Котрэ, к восточным опушкам которого он и подошел вплотную.

Ген. Петэн, считая, что серьезность положения все более неотложно требует принятия соответствующих мер, снова написал мне о затруднениях, которые он испытывает при питании сражения, повторяя свою высказанную накануне просьбу относительно американских и британских дивизий.

К этому письму он приложил донесение ген. Кастельно, который писал, что если немцы атакуют крупными силами фронт Восточной группы, лишенный в настоящее время всяких резервов, ему не останется ничего другого, «как возможно быстрее отвести в тыл неатакованные дивизии, перегруппировать их и маневрировать ими, чтобы сдержать противника в ожидании лучшего».

Все это было признаком кризиса, о котором я уже сигнализировал, в частности, во время совещания в Трильпоре 31 мая, и который я заметил в течение предыдущих недель и при аналогичных обстоятельствах у англичан. Мне опять пришлось поддерживать колеблющуюся энергию.

2 июня, повидавшись и переговорив с Петэном в Бонбоне, я оставил ему записку, содержащую резюме нашего разговора:

«1. Линия поведения, которой должно держаться французское командование, заключается в том, чтобы любой ценой остановить движение противника на Париж, особенно через район к северу от Марны.

2. Средством для этого является оборона территории шаг за шагом в этом направлении, не щадя последних сил.

3. Для этого нужно прежде всего обеспечить разработку приказов, которыми определялся бы образ действий войск в соответствии с этой линией поведения, и следить за точным выполнением этих приказов, смещая всякого начальника, повинного в слабости».

А чтобы восстановить уверенность, я добавил:

«4. Все союзные войска получают такую же ориентировку и примут участие в сражении в зависимости от транспортных возможностей».

В этом отношении я принял значительные меры. По соглашению с ген. Першингом было решено отправить на французский фронт 5 американских дивизий, проходивших обучение в британской армии, для смены французских частей на спокойных участках и, таким образом, освободить их для участия в сражении.

Фельдмаршала Хейга просили направить походным порядком 3 дивизии из его общего резерва в район к западу от Амьена, где они смогли бы в случае необходимости действовать в интересах либо британской, либо французской армии.

Наконец, чтобы приблизиться к ставке французского главнокомандующего, я переехал сначала в Муши-ле-Шатель (1 июня), а затем в Бонбон (5 июня).

Объявляя об этих решениях, я настаивал на необходимости организовать сражение и немедленно призвать «всех начальников к энергичным и решительным действиям».

Впрочем, прибытие многочисленных французских подкреплений, целесообразное распределение органов командования на поле сражения, а также утомление противника должны были все более и более стабилизировать положение между Уазой и Марной.

Уже 2 и 3 июня немцы лишь с трудом продвигались вперед к югу от Суассона, а 4 июня, наткнувшись повсюду на прочный фронт, прекратили свои атаки.

2. Германское наступление между Нуайоном и Мондидье

(9 — 13 июня)

Сражение, подготавливавшееся немцами, в действительности являлось частью плана операций, который они начали проводить 27 мая и который первоначально предусматривался как общая операция на всем фронте между Реймсом и Мондидье. За неимением достаточного количества тяжелой артиллерии и минометов германское верховное командование не смогло провести это наступление в один прием, и ему пришлось расчленить его на две последовательные операции: одну к востоку от Уазы — это было наступление 27 мая на Шмен-де-Дам, другую — к западу от Уазы. Второе наступление могло начаться только после переброски артиллерии, послужившей для подготовки первого.

Но во второй операции немцы уже не имели тех преимуществ, как в первой. Необходимость действовать быстро

заставила их пренебречь тщательными мерами предосторожности, которые позволили им полностью скрыть подготовку к наступлению 27 июня; поэтому их новый замысел был быстро раскрыт французской авиацией и разведывательной службой. 30 мая ген. Петэн уже был осведомлен в общих чертах о плане противника; оставался неясным только один вопрос — о численности сил, которыми противник намеревался осуществить его. Предположительно эти силы могли быть очень значительными.

По расчетам французского штаба, главное командование противника, располагавшее в то время примерно 60 дивизиями в резерве, могло бросить в наступление между Уазой и Соммой 45 дивизий, т. е. еще больше, чем при наступлении на Шмен-де-Дам 27 мая, и во всяком случае гораздо больше, чем было у нас в резерве.

В действительности же германская 18-я армия (ген. фон Хутье), на которую было возложено проведение этой операции, выставила в первую линию только 13 дивизий на фронте в 34 км.

Против нее были расположены 7 дивизий первой линии французской 3-й армии (ген. Энбера), поддержанные 5 дивизиями во второй линии и в резерве и могущие быть усиленными еще 7 пехотными и 3 кавалерийскими дивизиями, сосредоточенными дальше в тылу, между Бовэ и Санли.

Как мы видим, этих сил было вполне достаточно, по крайней мере вначале, чтобы остановить натиск германцев; но при нашей неуверенности относительно возможности развития этого наступления нам приходилось думать и о более отдаленном будущем.

С этой целью я 4 июня предупредил фельдмаршала Хейга, что если «противник будет безостановочно продолжать свой маневр на Париж между Марной и Уазой или развивать его на более широком фронте, например, между Шато-Тьерри и Мондидье., все союзные силы во Франции должны будут участвовать в сражении, которое, по всей вероятности, решит исход всей войны...». Далее, я предлагал Хейгу подготовить во всех подробностях эту переброску, учитывая возможность сокращения численности его войск, расположенных в первой линии.

Это предложение явилось причиной недоразумения между мною и английским главным командованием.

Хейг, который во исполнение предшествовавших директив

приказал передвинуть три из своих дивизий (22-й корпус) к Сомме западнее Амьена, а с другой стороны—все еще опасался наступления противника между фр. Лис и Соммой¹, заявил формальный протест «против изъятия из его подчинения какой-либо части британской армии», пока он будет находиться под угрозой противника, и в силу соглашения в Бовэ принес жалобу своему правительству.

7 июня в Париже у председателя совета министров состоялось совещание, на котором присутствовали Клемансо, лорд Милнер, фельдмаршал Хейг, ген. Вилсон, Лоренс, Вейган и я.

Лорд Милнер заявил, что настоящая конференция созвана по просьбе английского правительства, встревоженного, как и фельдмаршал Хейг, требованием, предъявленным к британским резервам. Я без труда доказал, что я отнюдь не трогал английских резервов, что до сих пор я просил фельдмаршала Хейга только о принятии предварительных и подготовительных мер и что, кроме того, я не имел никакого намерения лишать его резервов прежде, чем это станет безусловно необходимым.

Инцидент был легко улажен; но не показывает ли он, с какими неожиданными затруднениями приходится иногда сталкиваться командованию коалиционными армиями из-за того, что отдельные армии не легко понимают друг друга? Разве настройка инструментов большого оркестра не требует известного времени? А если он образован из разнородных элементов, не приходится ли учитывать их диапазоны?

В конце того же совещания, на котором были рассмотрены и другие возможные случаи, ген. Вилсон, возвращаясь к вопросу, поднимавшемуся во время сражения во Фландрии, спросил меня, между прочим, какова будет линия поведения в отношении британской армии, если при дальнейшем развитии германского наступления возникнет угроза одновременно Парижу и английским морским базам.

На это я повторил ему, что намерен обеспечивать одновременно и связь между английской и французской армиями, и оборону Парижа, и защиту портов, поскольку каждое из этих условий необходимо для успеха войны.

Фактически, не говоря уже о беспокойстве населения,

¹ 4 июня считали, что у кронпринца баварского имеется 49 свободных дивизий, из них 26 свежих.

и следовательно, и правительств, противник был близок к достижению одного из объектов своих стремлений, т. е. Парижа или портов Ламанша. Союзники же были вынуждены в данный момент ограничиваться обороной со всей присущей ей неизвестностью, более или менее внезапными ударами противника, беспокойством, неуверенностью; все это — явления морального порядка, ослабляющие уже без того истощенные силы, сами по себе ослабленные перипетиями ожесточенной войны, продолжавшейся без малого 4 года. Главы правительства, Клемансо и Ллойд-джордж, с рвением поддерживали борьбу; президент Вилсон был вполне готов предоставить для ведения ее огромные ресурсы Америки, позже вступившей в войну. Главное командование обязано было, используя все средства и наблюдая за всеми слабыми участками, избегать новых потрясений и возможно скорее повернуть ход событий.

Ожидая наступления противника между Мондидье и Нуайоном, я еще 5 июня предоставил в распоряжение Петэна одну из дивизий (14-ю) Северной армейской группы. Я просил Хейга подготовить смену другой дивизии этой группы британскими войсками, а взамен предложил вернуть ему штаб 8-го корпуса и 2 английские дивизии, выведенные из сражения на Эне.

Мы приняли все меры предосторожности к тому, чтобы не оказаться под ударом частных наступлений, которые противник мог попытаться предпринять в виде диверсий на различных участках фронта. Для этого мы перевезли в Лотарингию и в Вогезы подлежащие восстановлению французские дивизии и американские дивизии, прибывшие из британской армии, подготовили на всякий случай переброску нескольких французских корпусов на британский фронт, чтобы быть в состоянии в любой момент ответить на германское наступление, всегда возможное в районе Соммы, Аррас, Ланс; наметили как к северу от Соммы, так и на фронте французской 5-й армии небольшие наступательные операции на случай, если придется сковывать силы противника во время оборонительного сражения на Уазе.

Наконец, в ожидании сражения, которое могло оказаться решающим, я в письме к французскому главнокомандующему напомнил ему о стратегических результатах, которых надо было добиваться, общей линии поведения и обязанностях командования.

9 июня после начавшейся в полночь артиллерийской подготовки, на которую мы немедленно ответили контрподготовкой, пехота ген. фон-Хутье в 3 ч. 45 м. атаковала наше расположение между Айанкуром и Тиескуром. В 6 час. фронт наступления противника растянулся до Уазы.

На этом фронте германские дивизии были распределены неравномерно. Широко расчлененные на флангах, они были массированы в центре между Ролло и Тиескуром, где действовали 9 дивизий из 13, брошенных в атаку.

Здесь-то и произошел прорыв. Под натиском противника французские 58 и 125-я дивизии пришли в расстройство. В 8 час. они были отброшены за Гюри. В 10 час. противник вступил в Ресон-сюр-Мас, а в 11 час. овладел нашей второй позицией на протяжении 12 км от Мери до Марей-Лямот. Его быстрое продвижение в долине р. Мас (Matz) позволило ему затем обойти наши оборонительные сооружения между Рибекуром и Ласины; плато Сен-Клод и Тиескурский лес были в его руках.

К счастью, введение в дело 6 французских дивизий резерва после полудня замедлило это продвижение, а к концу дня противник был задержан на линии Мери, Блуа, Маркеллиз, Ванделикур.

Наступление ген. фон Хутье, за исключением правого фланга, лишь незначительно продвинувшегося вперед, вклинилось во французскую оборону. Компьен оказался под непосредственной угрозой.

Однако, по моему мнению, сил резервной группы армий было еще достаточно для ведения сражения, а с другой стороны, то обстоятельство, что свободные силы кронпринца баварского, как казалось, не участвовали в бою 9 июня, было решающим соображением в пользу оставления Хейгу всех его сил. Тем не менее я попросил последнего перевести 10-го утром южную дивизию 22-го корпуса в район Контри и заменить ее к югу от Соммы другой дивизией, что позволило бы ген. Петэну перевести на юг все французские резервы, расположенные в данное время в тылу его 1-й армии.

10 июня наступление противника продолжалось, но уже далеко не с таким успехом, как накануне. Несмотря на прибытие на фронт новой дивизии, противник лишь немного продвинулся вперед к западу от Маса; значительное продвижение имело место только к востоку от этого рубежа. Поражение одной из французских дивизий (53-й) открыло

противнику дорогу на Рибекур и позволило ему утвердиться на правом берегу Уазы между Монмаком и Санпиньи. Кроме того, под влиянием этого продвижения наши войска на левом берегу реки (38-й корпус) были вынуждены отойти на старые позиции 1914 г. в Байи, Траси-ле-Валь, Пюизален.

Несмотря на это прискорбное событие, общая картина боев за 10 июня оставалась удовлетворительной. «Противник не продвигался вперед с такой легкостью, как при своих последних наступлениях, начиная с мартовского. Наши дивизии упорно отстаивали местность шаг за шагом; наши органы командования быстро организовывались; прибывающие подкрепления вводились в бой экономно и планомерно»¹. Французская оборона, эшелонированная в глубину в соответствии с последними инструкциями, ослабила первый удар и натиск, резкий и сильный нажим наступления, поддержанного мощной артиллерией.

Кроме того, ген. Файоль должен был использовать эту обстановку для контратаки во фланг противника 5 свежими дивизиями, из которых 4 были в первой линии.

Организация и проведение этого контрудара были только что возложены на ген. Манжена, находившегося в это время в резерве главного командования. Он немедленно принял за дело, и я застал его после полудня 10 июня в Ноайе с командующим группой Файолем, которому он был подчинен. Манжен доложил нам результаты разведки, свои замыслы, а также о принятых мерах. Хотя большая часть его сил, в частности артиллерия, смогла подойти только ночью, он обещал провести подготовленную атаку на следующее утро. Для этого он до наступления темноты вызвал на местность командиров дивизий, начальников артиллерии, командиров полков, действующих на направлении главного удара, и указал им их объекты и исходные рубежи. Соответственно этому ночью должны были по мере прибытия располагаться войска.

Вечером и ночью он отдал распоряжение командирам дивизий, назначив часы начала артиллерийской подготовки и начала наступления.

Такая быстрота в проведении целого комплекса столь сложных мероприятий, требовавших сбора еще разбросанных вдалеке сил, очевидно, могла поразить умы, привыкшие

¹ Отчет маршала Петэна.

за несколько лет позиционной войны к большой медлительности при подготовке. Она заставляла сомневаться в последующем выполнении, так как некоторым методичным умам казалось невозможным, что Манжен сумеет подготовиться к правильному использованию своих 5 дивизий до 12 июня. Я, со своей стороны, настаивал на первостепенной важности возможно более скорого проведения контратаки; ведь мы застали бы противника тем менее подготовленным к обороне, чем меньше времени мы дали бы ему на ее организацию. Контратака, предпринятая 12-го, встретила бы гораздо более упорное сопротивление, чем 11-го.

В конце концов, по моим настояниям и благодаря четкости перспектив Манжена, Файоль отдал свой приказ, помеченный 16 час. 10 июня и предписывавший произвести контратаку 11 июня как можно раньше. Приказ командующего заканчивался словами: «Завтрашняя операция должна явиться концом оборонительного сражения, которое мы ведем уже целый месяц. Она должна ознаменовать собой остановку германцев, наш переход в наступление и привести к успеху. Необходимо, чтобы все это понимали». Действительно, наступление началось на следующий день, 11 июня, в 11 час.; оно имело значительный успех. Мы захватили д. Мери и Блуа, ликвидировали угрозу долине р. Аронд и взяли около тысячи пленных и несколько орудий.

12-го я встретился в Шантийи с ген. Петэном и договорился с ним о том, чтобы не развивать операцию Манжена дальше того рубежа, на котором она могла дать еще эффект, и таким образом избежать бесполезных потерь. Важно было по возможности бережливо использовать наши свободные дивизии; они могли нам еще пригодиться в другом месте, например, на Сомме, где угроза противника оставалась еще в силе.

Поэтому с нашей стороны больше не последовало серьезного наступления; мы ограничились тем, что некоторыми частными действиями, проведенными 14 июня, исправили линию фронта в свою пользу.

Со своей стороны, противник, улучшив 11-го свои позиции захватом левого берега Маса (Matz), ниже Шевенкура, совершенно прекратил свое наступление к западу от Уазы.

Правда, можно было подумать, что его наступление прекратилось на западе только для того, чтобы с еще большей силой возобновиться восточнее Уазы. На следующий день,

12 июня, две или три германские дивизии довольно сильной атакой к северу от леса Виллер-Коттрэ овладели Кютри и Домье и отбросили французские войска на Кевр и Сен-Пьер-Эгль; но оказалось, что это была чисто местная операция, не получившая дальнейшего развития.

13 июня на всем французском фронте снова воцарилось спокойствие.

Глава седьмая

В ожидании

(13 июня — 15 июля)

После третьего наступления, проведенного немцами за весну 1918 г., перед нами стояла важная задача. Прежде всего необходимо было, учитывая уроки недавнего прошлого, закрепить и обеспечить установившееся положение, а также подготовить будущие операции союзных армий.

1. Уроки сражений весной 1918 г.

В трех наступлениях, проведенных противником с 21 марта по 12 июня, его наступательные приемы не менялись. Они характеризовались внезапностью, большой силой, быстротой исполнения, маневрами с целью расширения достигнутого прорыва, стремлением сразу же глубоко проникать в расположение противника. Было желательно, чтобы оборона противопоставила этим приемам соответствующие средства. Войска в обороне должны были научиться правильно оценивать обстановку, активно и всеми способами добывая сведения о противнике; парировать силу и быстрый темп наступления противника, занимая достаточными силами еще до начала наступления первые и вторые позиции, причем единственной задачей войск, занимающих позиции, является оказание сопротивления на месте; противодействовать маневру противника, имеющего целью расширение прорыва, а также глубокому вклинению противника, подкрепляя фланги прорыва большей частью сил, выделенных в резерв. Остальные силы необходимо было использовать для задержки противника с фронта и остановки его; наконец, достигнув этого, возможно скорее контратаковать его, особенно во фланг, всеми войсками, освободившимися или остававшимися с той и другой стороны прорыва.

В итоге с методом прямолинейно-грубого и мощного наступления, принятым противником, легко можно было справиться, если бы командование обороняющихся войск «заранее твердо наметило себе рациональную линию поведения, если бы оно выработало быстро выполнимый и насколько возможно надежный план, а затем твердо держалось бы его, все время руководя сражением».

Эти соображения послужили предметом записки, отправленной мною 16 июня подчиненным мне главнокомандующим с просьбой сообщить ее своим армиям в случае, если с их стороны не будет никаких замечаний.

Действительно, после сражения, во время которого мы почти без борьбы потеряли в мае Энну, а в марте Сомму, нужно было обратить внимание командования на значение вторых позиций, на способ их занятия, на образ действий, которого следовало на них держаться.

Мои указания вызвали некоторые возражения против одновременного занятия первой и второй позиций «достаточными силами». Французское главное командование не сочло возможным передать эти указания войскам и апеллировало по поводу моей теории к председателю совета министров.

Мне не составило труда разъяснить, что именно дальновидное командование должно понимать под заблаговременным занятием вторых позиций. Это отнюдь не означало равномерного, расплывчатого занятия их на всем их протяжении, что потребовало бы чрезмерного расхода сил, а просто расположения сравнительно небольших сил в точно определенных ответственных пунктах этих позиций. Эти прочно удерживаемые пункты составляли достаточно крепкий остов, обеспечивающий сопротивление до прибытия более крупных частей резерва.

Мне удалось рассеять недоразумение беседой с ген. Петэном в Бонбоне 18 июня и запиской, представленной мною председателю совета министров по просьбе последнего.

Еще раз из уроков успешных германских наступлений весной 1918 г. надо было твердо запомнить необходимость для союзного командования всех степеней подготавливать целесообразные мероприятия, строго следить за их проведением и требовать от войск той же энергии и решимости, какой требовали от самого командования. В этом отношении во время последних наступлений противника были отмечены случаи слабости. Пришлось принять репрессивные меры и произвести

некоторые перемены во французском высшем командовании.

Однако, какой бы интерес ни представляли прошлые события, нельзя было упускать из вида текущих требований сражения. Противник, очевидно, не собирался остановиться из-за своей неудачи на Масае. Он еще располагал крупными резервами, как говорили, 54 дивизиями 15 июня, 61 дивизией 20 июня, 75, из которых 55 свежих, 30 июня.

После усилий, которые привели на Сомме, во Фландрии, в Шампани и на Уазе к несомненному выигрышу территории и к крупным потерям противников Германии, казалось, что интересы немцев должны побудить их быстро использовать имеющееся еще налицо превосходство сил, так как, с одной стороны, они не могли сомневаться в том, что в процессе борьбы скоро даст себя почувствовать подавляющая сила Америки, а с другой, — они чувствовали приближение того же грозного кризиса живой силы, который переживали британская и французская армии¹.

Поэтому приходилось ожидать нового наступления с их стороны. Где же оно будет предпринято? Склоняясь к предположению, что оно будет направлено против британского фронта, все же допускали, что германская ударная масса может быть использована в любом районе театра военных действий во Франции, и я сделал из этого вывод, что резервы союзников должны быть готовы действовать на всем протяжении фронта от Северного моря до Вогез в интересах английской или французской армии.

Отсюда вытекала необходимость общей боевой готовности этих двух армий.

2. Приведение союзных армий в боевую готовность

Первым делом надо было подготовить быстрое вступление в дело французских резервов в британской зоне и английских резервов во французской зоне. Предварительная работа была уже проведена отдельно и для известного числа дивизий фельдмаршалом Хейгом и ген. Петэном. Теперь важно

¹ В июне 1918 г. германскому верховному командованию пришлось призвать очень значительную часть контингента призыва 1919 г. Призыв 1920 г. был уже частично зачислен на службу в мае, и рассчитывали, что уже в июле он появится на фронтовых сборных пунктах.

было возобновить работу сообща и распространить ее на все союзные резервы.

Это и вызвало мое письмо от 13 июня обоим главнокомандующим. 20-го работа была закончена.

Приходилось также усиливать оборону британского и французского фронтов. В отношении английского фронта было предположено использовать для заблаговременного занятия вторых позиций американские дивизии, а также некоторые британские.

22-й корпус был возвращен в распоряжение Хейга. Корпусу было разрешено целиком перейти на север до Соммы. Петэну было предписано обеспечивать французскими силами левый фланг армии Дебенэ к югу от Соммы.

Петэну было предложено возможно скорее свести в корпус французские дивизии, предназначенные для действий в британской зоне, в первую очередь те, которые уже были сосредоточены вблизи этой зоны.

Наконец, от французского главного командования потребовали усиления Северной армейской группы двумя полками тяжелой артиллерии, одним полком легкой полевой артиллерии на грузовиках и дивизионом 280-мм мортир.

Это последнее требование вызвало протест со стороны главнокомандующего, который написал мне 17 июня, что ввиду значительного количества батарей, которыми располагает ген. де-Митри, «в усилении Северной армейской группы артиллерией нет необходимости и что, кроме того, такое усиление было бы опасно, так как повлекло бы за собой не только отход на некоторых участках боевого фронта к югу от Соммы, но и израсходование последних подвижных резервов...» Впрочем, главнокомандующий не ограничился этим отказом; он добавил:

«...1. Французские армии участвовали во всех четырех сражениях, данных противником с 21 марта; они вынесли на своих плечах всю тяжесть двух из этих сражений; поэтому они насчитывают на своих фронтах большое число очень усталых или потрепанных дивизий, которые в скором времени придется сменять. Таково фактическое положение, которое неизбежно будет долго отзываться на использовании наших резервов.

2. Британские армии имели уже двухмесячную передышку и могли вполне справиться и спать свои пополнения; они имеют на своем фронте протяжением в 150 км такую насы-

ценность пехотой и артиллерией, какой никогда не удавалось достигнуть в моих армиях, участвовавших в боях; поэтому они могут обойтись своими силами и дать французским армиям время в свою очередь привести себя в порядок, чтобы выдержать новый удар в направлении на Париж,— удар, который неизбежен. Между тем в настоящее время сил у французской армии едва хватает на то, чтобы производить необходимую смену частей; поэтому сейчас нельзя было бы уменьшить эти силы в интересах британского фронта, не подвергая себя серьезной угрозе в будущем».

В заключение он доносил мне, что ввиду серьезности вопроса он посылает копию своего письма председателю совета министров, военному министру.

Итак, через десять дней после Хейга французский главнокомандующий в свою очередь апеллировал к своему правительству.

Французское правительство, к счастью, поняло, что моя задача скоро стала бы невыполнимой, если бы важные решения, принимаемые мною в общих интересах, оспаривались каждый раз, как только они затрагивали частные интересы. Решив сделать все от него зависящее, чтобы избежать новых затруднений, правительство постановило, что статья соглашения в Бовэ, дававшая главнокомандующим право апеллировать к своим правительствам, не будет больше иметь силы по отношению к главнокомандующему французскими армиями.

Тем не менее необходимо было реагировать на состояние умов, имевших тенденцию проводить сравнения между союзными армиями в отношении проявленных усилий и понесенных потерь. Это нежелательное явление объяснялось, особенно с французской стороны, нервным напряжением за трудные недели последнего сражения.

С этой целью произвели некоторые перемены в личном составе и, так как германского наступления не последовало, предприняли перегруппировку союзных сил, чтобы вернуть их в их нормальные зоны действия. Так, я предложил Хейгу сменить британскими частями войска Северной армейской группы, которые должны были быть возвращены; Петэну — взамен вернуть английскому главному командованию 9-й корпус и 4 английские дивизии, использованные на французском фронте. В принципе фельдмаршал согласился на это; при-

шлось только торопить его с выполнением, чтобы намеченные перемещения были закончены в первых числах июля.

* * *

В то же время были рассмотрены некоторые вопросы, связанные с обороной французского фронта, так как в ожидании оборонительного сражения царило то же указанное выше настроение.

В то время как в директиве, посланной 23 июня французским главным командованием командующему Восточной группой армий, предусматривалась, среди других вариантов, возможность «частичного или полного отхода» сил *этой* группы армий в случае наступления противника на ее фронте или в соседнем районе, я категорически настаивал на прочном удержании *неатакованных* участков фронта при любых обстоятельствах.

А так как стык между французской и британской армиями оставался важнейшим участком, я просил французское главное командование приказать ген. Дебенэ устроить укрепленную линию впереди плато Каши, включающую д. Каши и примыкающую к оборонительным сооружениям, возведенным англичанами к юго-западу от Виллер-Бретонё.

После всех указанных выше перемещений французское главное командование сообщило мне, что к 10 июля его резервы образуют две основные массы:

1. К северу от Уазы (в районе Бовэ) — 10 пехотных дивизий и кавалерийский корпус.

2. Между Уазой и Марной — 11 пехотных дивизий.

Кроме того, оно будет иметь:

— к югу от Марны — 10 пехотных дивизий и кавалерийский корпус;

— между Реймсом и Аргонной — 3 пехотные дивизии;

— между Аргонной и Маасом — 2 пехотные дивизии.

* * *

При таких условиях можно было рассчитывать на то, что еще до 15 июля реорганизация, перегруппировка и приведение союзных армий в полную готовность будут закончены.

Какого образа действий следовало держаться, если про-

тивник атаковал их к этому числу? Это-то я и указал в своей общей директиве № 4 от 1 июля.

Двинутся ли немцы на Абвилъ, от которого они находились в каких-нибудь 60 км, или на Париж, от которого их отделяло такое же расстояние? Они в том и в другом случае добьются крупных результатов, могущих повлиять на исход войны и недостижимых ни на каком другом направлении. Поэтому их продвижение на этих двух направлениях необходимо было бы остановить любой ценой и возможно скорее. Для наступления на Париж и Абвилъ немцы были вынуждены начинать свое движение с фронта Шато-Тьерри, Ланс. Следовательно, именно на этом фронте союзники и должны были принять на возможно большую глубину самые серьезные меры, чтобы обеспечить упорную оборону каждого фута пространства: создать прочные оборонительные сооружения, расчлененные в глубину и надежно связанные отсечными позициями; подготовить артиллерийские позиции и провести тщательную подготовку стрельбы с них; издать четкие и точные инструкции для войск, назначенных для обороны позиций или для контратак.

Проведя эти мероприятия, командование должно было, когда придет время, действовать энергично, с полной инициативой, руководя сражением на местности.

Наконец, союзные резервы должны были быть расчленены и организованы так, чтобы их можно было легко перебрасывать туда, где их присутствие окажется необходимым; при этом французские резервы должны были действовать в интересах британской армии, если бы последняя была сильно атакована, а английские резервы точно так же — в интересах французских армий, если бы противник сосредоточил свои массы в направлении на Париж.

* * *

Одновременно с приведением союзных армий в полную боевую готовность, имея в виду, в частности, дальнюю оборону Парижа, организовали на всякий случай и ближнюю (непосредственную) оборону столицы. Эта задача была специально возложена на ген. Гийома, вызванного с Ближнего Востока.

15 июня на совещании, созванном в ставке главнокомандующего союзными армиями в Бонбоне под председатель-

ством Клемансо¹, были определены и разграничены права и обязанности всех заинтересованных в этом вопросе военных властей.

Прежде всего было установлено как принцип, что оборона Парижа обеспечивается армиями, которым поставлена задача ген. Фошем. Не щадя последних сил, они должны отстоять каждый фут территории и столицу; затем было решено, что если наступающий на Париж противник дойдет примерно до линии Мо, Крей, долина р. Терэн (Thérain), военный губернатор Парижа, командующий парижскими армиями, подчиненный французскому главнокомандующему, примет командование над армиями, обороняющими долины Уазы и Марны, а также район между этими долинами.

Он должен был подготовить непосредственную оборону столицы на всем протяжении укрепленного района от Лез'Андели до Ножан-сюр-Сен путем организации оборонительных линий, разработки планов обороны, подготовки боевых действий и перебросок войск.

Кроме того, чтобы облегчить выполнение этой задачи, было решено, что Париж будет включен в фронтовую полосу и что ген. Гийома установит и будет поддерживать связь с французским главным командованием, чтобы постоянно быть в курсе положения французской армии.

3. Подготовка союзников к контрнаступлению

Всеми этими мерами, распространявшимися как на фронтовую, так и на тыловую полосу, союзники рассчитывали ответить на новые наступления противника и подготовиться к большому оборонительному сражению.

Но принимая со своей стороны все меры к тому, чтобы это сражение окончилось неудачей для противника, я не терял из виду наступательной задачи, которую союзные армии должны были подготовить теперь же и выполнить, как только это окажется возможным, так как только наступление позволяло им победоносно закончить войну.

Мы видели, что с этой целью были первоначально выбраны два района; необходимые подготовительные работы

¹ В этом совещании участвовали: вице-председатель Комитета обороны Парижа Поль Думер, председатель комиссии по делам армии в палате депутатов Рене Рену, ген. Фош, Петэн, Гийома, Рок, Эр, Мордак и Вейган.

производились в них заинтересованными армиями — английской в районе р. Лис, французской — между Уазой и Соммой.

Глубокое продвижение, которое только что привело немцев от Эны до Марны у Шато-Тьери, открывало перед союзниками новые перспективы и новые возможности.

Действительно, нетрудно было заметить, что в глубоком, но сравнительно узком «мешке», в котором противник оказался на этом направлении, он располагал для удобного снабжения войск железнодорожными линиями, которые все проходили через Суассон.

В тот день, когда этот жизненно важный узел сообщений окажется под огнем нашей артиллерии, «всякое германское наступление, предпринятое на Шато-Тьери, будет обескровлено».

При существующем начертании нашего фронта обстреливать Суассон можно было только из дальнобойных орудий. Хотя они и стесняли работу снабжения противника, они не могли полностью прекратить ее. Полного запрещения ее можно было ожидать только от подвижной тяжелой и легкой полевой артиллерии, единственно способной обеспечить и надолго сохранить этот результат. Поэтому надо было придвинуть эту артиллерию на дистанцию действительного огня на запрещение.

Таким образом, я пришел к мысли предписать 14 июня ген. Петэну «организовать наступательную операцию, которая имела бы целью захват плато, командующих над Суассоном с запада, чтобы окончательно лишить противника возможности использовать этот пункт, имеющий для него важное значение».

Согласно отданной раньше директиве от 7 июня, 5-я армия подготовила наступление против восточного фланга «мешка» у Шато-Тьери, но германское наступление на Компьен ослабило значение этого наступления. Так как противник был задержан на Массе, оно больше не представляло непосредственного интереса, поэтому его можно было ограничить по масштабу или отложить. Вот почему я, снова уточняя свою мысль, просил Петэна перенести все свое внимание на подготовку наступления 10-й армии, возложив на нее задачу обратного захвата плато Домье до оврага Мисси-о-Буа. Это наступление должно было быть проведено как можно скорее, пока противник не успеет как следует укрепиться.

Петэн немедленно отдал необходимые распоряжения и ука-

зал 10-й армии в качестве ближайшего для достижения рубежа «линию, проходящую через Пернан, Мисси-о-Буа, Лонпон».

Несколько дней спустя, 20 июня, командующий этой армией ген. Манжен представил оперативный план, который в целом и был одобрен французским главнокомандующим.

* * *

Таким образом, к концу июня союзные армии готовили наступление в трех весьма различных районах: на р. Лис, на Сомме и на Марне. В последнем районе, мы, как сказано, и намеревались нанести свой первый удар, как только это окажется возможным. Но это нисколько не мешало предусматривать и готовить более общий переход в наступление, которое, когда пробил бы его час, не должно было явиться неожиданным для командования и для войск.

Выбор времени и формы нашего наступления требовал известной тонкости расчета. Не следовало упускать из виду, что с 21 марта союзные армии подвергались чрезвычайно мощным внезапным ударам противника, которые на первых порах увенчались бесспорным успехом и были задержаны только ценой очень серьезных жертв. Союзники понесли очень большие потери и находились под сильным впечатлением военной мощи противника.

Чтобы побороть такие настроения, наши первые активные действия должны были быть отмечены успехом, а если бы их развитие и было задержано, они во всяком случае не должны были поставить нас в опасное положение.

С этой точки зрения намеченное наступление на фронт от Суассона до Шато-Тьерри все время было бы прикрыто с левого фланга р. Эной; следовательно, если бы оно было задержано во время его проведения, оно не привело бы к обрзаванию «мешка» с уязвимыми флангами.

Наконец, хотя мы собирались вести наступление на первых порах только на одном участке, наши последовательные операции должны были быть организованы так, чтобы каждая без промедления использовала моральное превосходство, приобретенное предыдущей, и расстройство, внесенное в мероприятия противника. Направление каждой из операций в отдельности должно было быть выбрано так, чтобы в конце концов дать общую равнодействующую, которая значительно повысила бы эффект всех наших операций.

Во всяком случае после трех лет позиционной войны надо было подумать о том, чтобы воскресить в наших армиях понимание: силы, заключающейся в движении, применении этого движения, необходимости физической выносливости, и объявить об этом таким языком, который мог бы быть понят как армиями, сражавшимися с самого начала войны, так и теми, которые только еще вступали в борьбу.

Поэтому еще 27 июня ген. Петэну было предложено сформулировать в очень общей директиве, предназначенной для всех союзных армий, основные принципы организации и проведения наступательной операции. Кроме того, он должен был обеспечить боевую подготовку французских и американских соединений, назначенных для наступления. Наконец, ему было указано, что в известные моменты наступательная операция, возможно, будет вестись массой союзных сил — французских, американских и британских, — и ее подготовка должна быть закончена «самое позднее через два месяца». Для наступления можно было рассчитывать самое меньшее на 12 американских дивизий и 10 французских дивизий, к которым присоединятся 7 или 8 британских дивизий, т. е. всего около 30 дивизий.

Таким образом, намечая будущие операции, мы в значительной мере рассчитывали на помощь американцев.

Последняя, хотя и находилась еще в начальной стадии, уже начинала реально сказываться, и уверенность, с которой союзники с самого начала рассчитывали на нее в будущем, с каждым днем находила себе новое подтверждение. Однако союзное командование, которому предстояло использовать эту помощь на поле сражения, должно было непрерывно руководить подготовкой этой помощи.

4. Дальнейшая разработка плана участия американцев

На своей конференции в Абвиле 1 и 2 мая союзные правительства установили в общих чертах план перевозки американских войск во Францию в мае и в июне.

2 июня, снова собравшись в Версале, они предложили мне с лордом Милнером и ген. Першингом представить план перевозки американских войск на июль. Поэтому мы второем заключили соглашение, в котором, подтверждая безусловную первоочередность перевозок пехоты в июне, требовали, чтобы эта первоочередность была сохранена и в течение июля

и чтобы за этот месяц во Францию было перевезено 140 000 пехотинцев и пулеметчиков.

Высший военный совет не только утвердил это соглашение, но, кроме того, выразил пожелание, чтобы для обеспечения численного превосходства Антанты, а следовательно, ее победы, правительство Соединенных Штатов создало к 1 августа 1919 г. армию в 100 дивизий, что потребовало бы ежемесячного призыва по меньшей мере 300 000 человек.

На этот призыв союзников к американской помощи ген. Першингу вскоре представился случай ответить косвенным образом, но весьма выразительно. 9 июня, когда германская 18-я армия вела атаки в направлении на Компьен, командующий американскими экспедиционными силами приехал ко мне в Бонбон и уверил меня в своей полной солидарности с общим делом, в своем более горячем, чем когда-либо, желании видеть все свои дивизии участвующими в сражении.

Понятно, насколько проявление этих чувств могло облегчить задачу союзных правительств. В самом деле, предель американской помощи ставили только препятствия материального порядка. К сожалению, эти препятствия были серьезными, и я подчеркнул их размеры в записке от 14 июня, представленной председателю совета министров.

Рассматривая в этой записке основу, на которой следовало построить план перевозок войск из Америки во Францию в течение второго полугодия 1918 г., я, наряду с моим вполне законным желанием видеть прибытие во Францию возможно большего числа людей, подчеркнул факторы, могущие помешать его осуществлению, и упомянул, в числе прочих, наличие тоннажа, возможность найти во Франции или неподалеку от нее лошадей, необходимых для организации американских частей, выгружаемых каждый месяц, ресурсы французского вооружения и американского производства, наконец, все возрастающие потребности снабжения американской армии во Франции. Поэтому сложность проблемы требовала «очень тщательной предварительной работы самых разнообразных органов, а также соглашений между правительствами с целью точно установить данные этой проблемы».

С согласия председателя совета министров я возглавил эту работу и совместно с Тардье, находившимся в это время во Франции, разработал программу на следующих основах.

Для того чтобы Антанта могла наверняка нанести в 1919 г.

решительный удар, ей необходимо было иметь неоспоримое численное превосходство над 220—240 германскими дивизиями, а это требовало от Америки присылки 80 дивизий к апрелю и 100 дивизий — к июлю 1919 г.

Чтобы эти дивизии могли пройти трехмесячный курс обучения до отправки в Европу, последняя дивизия, подлежащая отправке в апреле 1919 г., должна быть призвана в декабре 1918 г. Формирование каждой дивизии с учетом соответствующей пропорции служб, армейских и корпусных частей и т. д. требовало зачисления на военную службу 41 600 человек; следовательно, учитывая необходимость пополнения потерь, приходилось завербовать не менее 300 000 человек за каждый из шести последних месяцев 1918 г. и четырех первых месяцев 1919 г.

Эта программа, предварительно одобренная Першингом на совещании в Шомоне 23 июня, была представлена 2 июля членам Высшего военного совета в Версале, которые также приняли ее и переслали президенту Вилсону. Последний немедленно ответил, что к 1 июля 1919 г. во Франции будет 100 американских дивизий и что, если понадобится, за этими дивизиями последуют другие.

Затем было разрешено главное затруднение — вопрос о тоннаже, с одной стороны, — благодаря мощному развитию американского торгового флота¹, с другой, — благодаря помощи британского адмиралтейства, обязавшегося пополнить, если нужно, нехватку.

* * *

Между тем быстрый рост американских сил² вызвал все более настоятельное желание со стороны Першинга образовать из них самостоятельную армию.

10 августа он приехал ко мне и просил насколько возможно ускорить формирование армейских корпусов из американских дивизий, находящихся во французской зоне, и снабдить необходимой артиллерией те из них, которые ее еще не имели, выделив ее, если нужно, из французских соединений.

¹ К концу войны американская армия использовала 3 800 000 т судов по сравнению с 94 000, имевшимися вначале.

² В середине июня 1918 г. американская армия насчитывала как в Соединенных Штатах, так и во Франции 42 дивизии общей численностью в 1 747 000 человек.

Я не преминул снова уверить его в том, что никто, как я, так не желал создания американских корпусов, армий, американских участков фронта для сражения, которое должны вести американцы, и что все мои усилия направлены на достижение этой цели. Действительно, я был глубоко убежден в том, что солдаты какой-нибудь страны лучше всего сражаются под командой своих собственных начальников и под родными знаменами.

К тому же опытность и характер Першинга служили гарантией того, что там, где он введет в дело американские войска, он остановится только после достижения успеха. К сожалению, недостаток артиллерии еще не позволял снабдить орудиями все американские дивизии или корпуса, которые можно было бы сформировать.

Действительно, Антанта стремилась приобрести необходимое численное превосходство над противником, и изъятие артиллерии из французских соединений для передачи ее американцам мало соответствовало бы интересам Антанты¹. Напротив, американские дивизии, не имевшие артиллерии, могли быть с выгодой использованы для смены на спокойных участках французских дивизий, которые, таким образом, освободились бы для участия в сражении.

* * *

Сотрудничество с нами американских сил не ограничивалось исключительно Западным фронтом.

17 июня ген. Блисс приехал ко мне в Бонбон переговорить относительно просьбы, направленной лордом Милнером президенту Вилсону, об отправке американского отряда в 4 000 человек (трех батальонов и двух батарей) в Мурманск и Архангельск.

Президент Вилсон из осторожности и чтобы не уменьшать количества американских войск и транспортных

¹ Здесь Фош, говоря об «опытности» и «характере» Першинга, похваливает его, но одновременно невольно приоткрывает завесу над глубокими противоречиями между союзниками. За вопросом об «артиллерии» кроются вопросы «большой» политики. Американцы стремились как можно скорее приобрести большой удельный вес в общем «концерте» союзных держав с тем, чтобы получить как можно больше при предстоящем дележе добычи. Это, естественно, не было в интересах Антанты, как об этом вынужден признать здесь сам Фош. — *Ред.*

средств, предназначенных для французского фронта, был не очень склонен удовлетворить просьбу Милнера.

Однако спустя шесть дней, узнав, что немцы перебросили несколько дивизий из России во Францию, я в свою очередь телеграфировал президенту Вилсону, что это обстоятельство следует считать «решающим с военной точки зрения доводом в пользу интервенции союзников в Сибири», а 27 июня во второй телеграмме президенту Соединенных Штатов настоятельно просил его спешно отправить в Сибирь два американских полка.

2 июля этот вопрос был поставлен на заседании Высшего военного совета в Версале, и все дело перешло в ведение глав союзных правительств¹.

* * *

Как мы видим, круг деятельности союзного главнокомандующего все более расширялся, распространяясь даже на тылы каждой союзной страны для обеспечения формирования или снабжения войск, а также на все театры военных действий, где были затронуты их интересы. Выработанная в Дулане формула получала очень расширенное толкование.

Но, охватывая взглядом всю войну в целом, приходилось признать, что решалась война все же на Западном фронте, а Западным фронтом было все обширное пространство, простирающееся от устья Изера до устья Пиаве. Несмотря на всю заботу об операциях во Франции, нельзя было упускать из виду важного значения итальянского театра.

¹ Президент Вилсон боялся не того, что отправляемые в «Мурманск и в Архангельск» 4000 солдат ослабили бы французский фронт, а того, что эти солдаты, попадая на советскую территорию, могли «заразиться» большевизмом. Известно, что спустя немного времени американский полк, высадившийся на севере и наступавший от Архангельска на юг, отказался воевать и потребовал отправки домой. Фош невольно признает здесь, что Вилсон из «осторожности... был не очень склонен удовлетворить просьбу Милнера» (об отправке войск в Мурманск и Архангельск).

Здесь мы видим, как Фош, один из организаторов интервенции, торопит союзников к усилению интервенции. Не то, что «немцы перебросили несколько дивизий из России во Францию», явилось главным мотивом спешки Фоша с интервенционистскими мероприятиями, а то, что смертельный страх обуял мировую буржуазию, ее маршалов и генералов, страх перед влиянием русской революции на трудящихся их стран, на армии воюющих держав.—Ред.

События, происходившие по сю и ту стороны Альп, неизбежно оказывали друг на друга взаимное влияние.

Прежде всего необходимо было, чтобы дело союзников не потерпело ущерба в Италии и чтобы последняя как можно скорее оказалась в состоянии одержать победу. С этой-то целью конференция в Абвиле возложила на меня задачу по координации действий на итальянском театре.

5. Операции на итальянском фронте

Получив эту задачу, я уже 7 мая написал ген. Диацу, прося его сообщить мне в общих чертах о наступательной операции, намеченной итальянским командованием в районе Мелетт, а также о желательном для него участии союзных сил — французских и британских — в этой операции и о времени, когда подготовка к ней будет закончена.

Ожесточенные бои на франко-британском фронте, бездействие и нерешительность, проявляемые австрийскими армиями с самой зимы, наконец, превосходство союзных сил в Италии являлись решающими факторами для скорого начала крупного итальянского наступления. Оно должно было иметь целью сломить сопротивление австрийцев или, по крайней мере, отвлечь на этот театр часть германских сил, действовавших в данное время на фронтах во Франции.

Чтобы разъяснить и уточнить эти соображения ген. Диацу, а также, чтобы быть в курсе его намерений, я даже временно прикомандировал к штабу итальянского главнокомандующего офицера моего штаба подполк. Лепти.

Так обстояло дело, когда 28 мая командующий французскими войсками в Италии ген. Грациани донес мне телеграммой, что итальянское командование, опасаясь наступления противника на Пиаве, откладывает наступление, намеченное им в районе Асиаго.

Это решение подтвердил два дня спустя начальник оперативного отдела итальянского штаба полк. Каваллеро, которого Диац прислал ко мне в Саркюс с личным письмом. В этом письме начальник генерального штаба итальянской армии подробно излагал мне причины, по которым он не мог ввиду австрийской угрозы в данное время осуществить план наступления.

При таких условиях нам пришлось согласиться с его оценкой обстановки и, одобрив принятые им меры, расчи-

тывать на то, что итальянская армия будет готова возобновить в благоприятный момент наступательные операции, подготовка к которым уже началась.

9 июня полковник-бригадир Кальканьо, командированный ген. Диацем в качестве постоянного делегата связи в мой штаб, прибыл в Бонбон. Он подтвердил сведения относительно этого наступления, сообщенные мне итальянским главным командованием, впрочем, точно не указывая для него близкого срока, и добавил, что наступательные планы итальянского штаба ограничиваются в данное время частной операцией, которая будет проведена в ближайшем будущем в районе Тонале.

Между тем председатель совета министров Клемансо передал мне разговор, только что имевший место между нашим послом в Риме Камиллом Барером и Орландо; из этого разговора следовало, что ген. Диац отложил свое наступление только после того, как посоветовался со мною и получил мое согласие.

Очень взволнованный, Клемансо просил у меня объяснений по этому поводу. Я немедленно ответил ему, что хотя я 30 мая действительно одобрил образ действий ген. Диаца, однако я также рекомендовал ему перейти в наступление, как только изменится обстановка. К тому же мне казалось, что нерешительность австрийцев на итальянском фронте и упорный нажим германцев на франко-британском фронте должны в скором времени вызвать изменение образа действий итальянского главного командования.

Действительно, рассмотрев еще раз обстановку с Кальканьо, я 12 июня написал ген. Диацу, прося его немедленно приступить за осуществление его плана наступления, и подчеркнул в своем письме, что ожидаемые результаты энергичного итальянского наступления крупного масштаба могли бы оказать большую помощь войскам франко-британского фронта в том ожесточенном сражении, которое они вели уже более двух месяцев.

Сообщая об отправке этого письма председателю совета министров, я просил его уведомить о содержании его и Барера, чтобы тот мог в случае надобности воздействовать в том же духе на итальянское правительство.

Но как только письмо было отправлено, началось большое австрийское наступление.

* * *

15 июня итальянские 6, 7 и 3-я армии были атакованы на фронте от верховьев Бренты до устья Пиаве; они прочно удержали свои позиции, и противнику только в нескольких пунктах удалось форсировать Пиаве.

Сражение продолжалось несколько дней, но австрийцам не удалось расширить незначительное захваченное ими пространство; а 23 июня они даже были вынуждены вернуться на левый берег Пиаве. В итоге их наступление окончилось полной неудачей.

Очень важно было, чтобы итальянцы без промедления использовали бесспорное преимущество, которого они таким образом добились.

Поэтому 27 июня я снова написал ген. Диану. Поздравив его с большим успехом, одержанным его войсками, я просил его как можно скорее разработать и осуществить свои планы наступления, расширив их так, чтобы захватить массив Мелетт и гору Лиссер, т. е. участки, которые непосредственно приблизили бы итальянскую армию к дороге на Фельтре, дали бы ей удобную исходную базу для последующих операций в направлении на Трент в тот день, когда союзники перешли бы в общее наступление на всех фронтах, т. е., вероятно, в сентябре этого года.

Подполк. Лепти было поручено отвезти это письмо ген. Диану и подробно объяснить ему вытекающие из него выводы. А так как, с другой стороны, 11 июля французское правительство заявило о своей готовности предоставить итальянскому главному командованию необходимые ему технические средства, в частности, танки и ипритовые снаряды, то можно было надеяться на скорое начало итальянского наступления.

Но в это время все наше внимание было снова сосредоточено на французском фронте, где вот-вот должно было начаться четвертое германское наступление.

Глава восьмая

Второе сражение на Марне

В начале июля союзное командование, благодаря работе разведывательных органов и удачным поискам, проведенным на различных участках фронта, получило сведения о ближайших намерениях противника.

Готовилось новое германское наступление на фронте в 120 км между Шато-Тьери и Аргонной. В его план входило форсирование Марны в районе Дормана; оно должно было быть проведено в первой половине июля.

Другое наступление противника готовилось также между Аррасом и Ипром. В нем должны были участвовать очень крупные силы.

Одновременность этих двух операций, разделенных большим расстоянием и направленных одна — на юг (в Шампани), другая — на запад (в Артуа и Фландрии), следовательно, по расходящимся направлениям, казалась нам трудно понятной и оправдываемой. Во всяком случае численность свободных германских сил, как казалось, не допускала в данный момент одновременного их проведения. Поэтому нам оставалось предугадать и определить, какая из операций будет предпринята в первую очередь, и на всякий случай готовиться ко второй операции.

Несколько позднее некоторые признаки позволили судить, что первым будет проведено наступление в Шампани. Действительно, здесь противник спешно проводил свою подготовку, и в спешке даже случалось, что он пренебрегал мерами предосторожности, могущими скрыть эту подготовку от нас. Осведомленные таким образом союзники со своей стороны принимали соответствующие меры и устанавливали свою линию поведения.

После того как 3 июля я обратил внимание Петэна на необходимость при обороне указывать каждому его задачу точными приказами с проверкой исполнения, я 5 июля предложил ему решительно усилить угрожаемый фронт авиацией, полевой артиллерией и пехотными дивизиями.

11-го я снова писал ему: «Расширение подготовки к наступлению (противника) в Шампани уменьшает вероятность германского наступления к северу от Соммы или сокращает возможный масштаб этого наступления. При таких условиях следует, как мне кажется, принять меры к тому, чтобы быть в состоянии быстро сосредоточить в тылу нашего фронта в Шампани резервы, достаточные для того, чтобы быстро остановить мощное наступление противника...» и требовал, чтобы он выделил для этого несколько дивизий из числа тех, которые были сосредоточены в то время на французском левом фланге для действий в случае необходимости в британской зоне.

В то же время об этой переброске сообщили фельдмаршалу Хейгу, прося его перевести к югу от Соммы 2 дивизии из его общего резерва, так чтобы во всяком случае обеспечить стык между британскими и французскими армиями. С другой стороны, ему предложили принять меры на случай, если ввиду истощения всех французских резервов в ожидаемом сражении придется для их замены обратиться к английским подкреплениям.

Наконец, ему указали на значение, которое могло иметь английское наступление на фронте Фестюбер, Робек, если бы наступление противника на французскую армию приняло размеры, могущие поглотить большую часть германских резервов.

Впрочем, на другой же день, 13 июля, я призвал на помощь британские резервы, прося Хейга немедленно отправить в тыл французского фронта четыре из своих дивизий и подготовить переброску еще четырех дивизий, если они потребуются; это вызывалось предстоявшим сражением в Шампани.

В предвидении этого сражения мы ежедневно проводили оборонительные мероприятия, могущие остановить противника, и в то же время принимали энергичные меры по подготовке контрнаступления, намеченного к юго-западу от Суассона. Оно должно было развиваться во все более крупном масштабе и явиться сильным ударом в Тарденуа в ответ на наступление противника в Шампани.

Действительно, обстановка, казалось, благоприятствовала успеху этого удара. Она уже сейчас была нацелена во фланг противнику между Марной и Эной, а этот фланг должен был растянуться и ослабеть в тот день, когда противник, наступая от Шато-Тьерри до Аргонны, ввел бы главную массу своих сил в бой вблизи Марны, в южном направлении.

Чтобы успешно провести эту двойную операцию, все французские резервы надо было сосредоточить между Уазой и Аргонной. Укомплектованные, отдохнувшие, они вместе с несколькими американскими и британскими дивизиями должны были образовать внушительную массу из 38 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, позволяющую обеспечить одновременно потребности нашего оборонительного фронта в Шампани и наших наступательных операций в районе Суассона.

В близком будущем эти резервы должны были увеличиться,

так как численность американской армии, насчитывавшей во Франции уже 27 дивизий, непрерывно возрастала.

Наоборот, с германской стороны верховное командование испытывало затруднения при комплектовании своих частей, и было ясно, что численное превосходство вскоре будет на стороне союзников.

Таким образом, в середине июля уже можно было предвидеть момент, когда силы обеих сторон придут в равновесие. Действительно, настало время *перейти в наступление*, если противник *не атакует*, а если он *атакует*, — *сочетать оборону с сильным контрударом*.

Чтобы еще усилить этот ответный удар, я 9 июля предписал Петэну скомбинировать с наступлением 10-й армии другую наступательную операцию, которая должна была быть проведена одновременно между Марной и Реймсом, на восточном фланге «мешка» французской 5-й армией под командой ген. Бертело.

Наконец, 13 июля, я изложил этот замысел в письме к французскому главнокомандующему, указывая ему распределение наших сил в подготавливавшемся сражении.

Первая задача — задержать противника — требовала подвоза сил, который в значительной степени был уже осуществлен, но мог быть еще усилен. Что же касается второй задачи — контрнаступления, которое должно было, «помимо своих собственных преимуществ, явиться чрезвычайно действительным приемом обороны», то для него надо было немедленно выделить, насколько возможно, необходимые силы.

После полудня 14 июля я опять поехал в Провен, где было твердо решено, что это французское контрнаступление начнется в ответ на германское наступление в Шампани, которое ожидалось в самом близком будущем.

Подготовка к этому контрнаступлению, планы которого разрабатывались вот уже несколько недель, требовала четырех суток для сбора и размещения в исходном положении подкреплений, прибывающих с разных участков фронта, а за это время отсутствие их могло сказаться на тех участках, с которых они были сняты, если бы эти участки были атакованы. Таким образом, нам приходилось на эти четыре дня пойти на риск, быть может, пережить кризис, прежде чем быть в состоянии предпринять эффективные действия.

Несмотря на это, мы для ускорения хода событий приказали начать подготовку уже 14 июля, а так как в этот день

казалось, что германское наступление в Шампани должно вот-вот начаться, мы при встрече с Петэном в Провене решили энергично провести и к 18 июля совершенно закончить подготовку к контрнаступлению, которое было бы предпринято в ответ на наступление противника.

В то время как шли наши приготовления, на заседании верховного совета, состоявшемся 4 июля в Версале, нашло себе выражение то беспокойство, которое обремененные широкими полномочиями военные внушают некоторым политическим деятелям. В этот день в конце затянувшегося послеобеденного заседания Ллойд-Джордж внес и потребовал занести в протокол собрания написанную по-английски резолюцию, которую председатель французского совета министров Клемансо принял от имени французского правительства. Согласно этой резолюции, снова появлялся на сцене Версальский комитет, и составлявшие его военные представители вновь получали право контроля, если не инициативы, над планами операций союзных армий, что лишало командующего этими армиями всякой самостоятельности при разработке планов и всякой свободы в их осуществлении.

Как только этот документ был переведен и я ознакомился с его текстом, значение которого, повидимому, ускользнуло от членов совета, я отправился в Париж к Клемансо и заявил ему, что я не могу признать эту резолюцию и не смогу продолжать командовать союзными армиями, если резолюция останется в силе. Мы поехали вместе в Версаль к Ллойд-Джорджу, который собирался обедать с представителями английских доминионов. Несмотря на некоторое смятение, возникшее в среде собравшихся, тотчас началась дискуссия с британским премьером. Была выработана новая редакция, по которой я сохранял полную свободу при разработке планов операций и был обязан отчетом только главам правительств, тогда как военные представители обязаны были предварительно договариваться со мной о вносимых ими предложениях, касающихся ведения войны.

Тем временем подготовка противника продолжалась и близилась к концу. Во время поиска, произведенного 14 июля в 20 час. французским 4-м корпусом, было взято 27 пленных. Тотчас же опрошенные, они показали, что ожидаемое союзниками германское наступление начнется в ту же ночь с 14-го на 15-е, а артиллерийская подготовка — в 0 ч. 10 м. Еще до ее начала на всем фронте центральной группы

армий началась наша артиллерийская контрподготовка и противобатарейная стрельба. Мы упредили противника в открытии огня. Большая часть наших батарей впервые обнаружила себя во время этих действий.

Тем не менее противник привел свой план в исполнение. В указанный пленными час его артиллерия открыла огонь, а между 4 ч. 15 м. и 5 ч. 30 м. германская пехота пошла в атаку на фронте в 90 км от Шато-Тьерри до Массижа, за исключением выступа у Реймса. К востоку от Реймса эта атака потерпела полную неудачу благодаря мерам, принятым ген. Гуро. Не успев подойти вплотную к позиции сопротивления, прочно занятой силами французской 4-й армии, колонны противника были расстроены метким и плотным огнем наших батарей, а также пулеметов с линии боевого охранения. Тщетно германское командование несколько раз пыталось в течение дня возобновить атаку на эту позицию сопротивления,—ему не удалось вклиниться в нее ни в одной точке.

К западу от Реймса обстановка в этот день сложилась менее благоприятно для нас. На фронте 5-й армии противник довольно быстро продвинулся вперед между Марной и р. Ардр в общем направлении на Эпернэ и отбросил центр этой армии (французский 5-й и итальянский 2-й корпуса) на его вторую позицию. В то же время он переправился через Марну по обе стороны Дормана, отеснил охранение, расположенное к югу от этой реки, и образовал предмостную позицию на линии Марей-ле-Пор, Конблизи, Сент-Аньян, Фосуа, где оборонялись левый фланг французской 5-й армии и правый фланг 6-й армии.

Чтобы задержать этот натиск противника, в течение 15 июля были брошены в бой армейские резервы и почти все дивизии общего резерва. К вечеру Петэн имел в тылу 4-й армии только одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии, а в тылу 5-й армии — одну дивизию.

Таким образом, германское наступление, задержанное на фронте нашей 4-й армии, достигло бесспорных успехов на фронте нашей 5-й армии и на стыке ее с нашей 6-й армией. Там противнику даже удалось прорвать наш фронт и переправиться через Марну в районе Дормана. Мог ли этот частный успех привести к достаточно глубокому и достаточно быстрому продвижению, способному расстроить наши соседние соединения и помешать осуществлению нашего

плана? Мог ли он заставить нас отказаться от нашего контрнаступления, подготовка которого требовала еще двух суток? Вот вопросы, которые мы задавали себе в течение 15 июля. Однако колебаться не приходилось, если сопоставить слабые результаты, достигнутые противником, с величиной его усилий и мощностью, с которой было предпринято его наступление, и учесть пространство, на котором он потерпел неудачу.

Он не добился никакого успеха на фронте более 40 км в Шампани. Он форсировал Марну на протяжении почти 20 км в районе Дормана. Эти два района были разделены на протяжении 30 км массивом города Реймса и Реймской горы, оставшимся в наших руках. Поэтому он не мог за 48 час., которые нужны были нам для завершения подготовки нашего контрнаступления, расширить и развить успех, достигнутый им на Марне, так, чтобы решить исход затаенного им сражения. Между тем по истечении этого срока мы могли атаковать его на фронте в 40 км от Эны до Марны мощными силами, во фланг, на новом направлении и по незнакомой ему местности, внезапно, — словом, при таких условиях, которые могли не только нейтрализовать достигнутые им преимущества, но и сделать эти преимущества губительными для него самого. Для этого нам надо было только неуклонно держаться нашего замысла и плана, по которому мы готовились взять инициативу в свои руки, и перейти в наступление между Эной и Марной. Надо было, не сбрасывая со счетов намерения противника и немедленно парируя непосредственно угрожающую опасность, поддерживать и, если нужно, усиливать эту линию поведения.

На это я и посвятил весь день 15 июля.

Разделяя мою уверенность относительно будущего, главнокомандующий французскими армиями, находившийся под более непосредственным впечатлением событий на поле сражения, был все же озабочен, особенно продвижением германцев к югу от Соммы и в направлении на Эпернэ. Чтобы задержать это продвижение, он собирался взять войска из числа предназначенных для контрнаступления, и прекратить подготовку последнего.

По пути в Муши-ле-Шатель, где я должен был встретиться с Хейгом, я остановился в Ноай, в штабе ген. Файоля, и там узнал об этих мероприятиях. Я немедленно послал в штаб главнокомандующего распоряжение, которое и поправило

дело. Подготовка к контрнаступлению продолжалась без задержки.

Однако, учитывая вполне законную тревогу французского командования, я просил Хейга немедленно отправить вторые две английские дивизии, которые, согласно моему письму от 13 июля, довели бы число английских соединений на французском фронте до четырех. Несмотря на его опасения, что во Франции противник предпримет второстепенное наступление, как в Шампани, и нанесет главный удар на участке фронта между Шато-Тьери и Лансом, он согласился с моей точкой зрения, и на французский фронт были направлены еще 2 английские дивизии — 13 и 34-я.

При таких условиях 2 британские дивизии, уже находившиеся в пути и составлявшие британский 22-й корпус, были предоставлены в распоряжение ген. Петэна для усиления фронта центральной группы армии, занимавшей в данное время оборонительное положение. Две дивизии, перевозка которых только что началась, должны были выгрузиться в районе Уазы и оставаться там в моем распоряжении, а затем быть использованы либо наступательно для усиления нашей 10-й или 6-й армии, либо оборонительно — в интересах 3-й армии.

Таким образом, удалось удовлетворить непосредственные потребности обороны, не останавливая подготовки нашего контрнаступления и увеличив назначенные для него силы.

16 июля прошло без новых происшествий. Германское наступление, не имевшее успеха накануне, не принесло успехов и в этот день. На фронте в Шампани оно вырождалось в ряд частных, несвязных, бессильных попыток.

К югу от Марны противник тщетно пытался расширить свою предмостную позицию; он встретил не только упорное сопротивление, но и энергичные контратаки со стороны французской 6-й армии, которая повсюду задержала его и даже отняла у него несколько опорных пунктов. Если добавить сюда, что «наша артиллерия и наша авиация, непрерывно бомбардируя переправы через Марну, затрудняли противнику доставку подкреплений, боевых припасов и продовольствия»¹, мы поймем, насколько непрочным было положение противника на дне «мешка», в районе Шато-Тьери.

За 16 июля ему удалось несколько продвинуться вперед

¹ Отчет маршала Петэна.

только к юго-западу от Реймса между р. Вель и Марной, особенно вдоль последней, но эти успехи носили настолько местный характер, что не могли повлиять на общую обстановку, и обошлись противнику так дорого, что он не мог без ущерба для себя возобновить свои попытки.

После двухдневных бесплодных попыток расширить уже опасное для него «преимущество», достигнутое на Марне, германское верховное командование стало проявлять нерешительность. Каким должно было быть моральное состояние его армии, брошенной в наступление и задержанной в этом «штурме за мир» (Friedensturm), в этом ударе, который должен был привести к миру? В действительности же он вызвал только разочарование и горечь — предвестники поражения.

17 июля германская армия была приведена в состояние бессилия. 18 июля в назначенное время и в указанном районе раздался в свою очередь гром орудий союзников.

Как мы видели выше, еще в июне мы обратили внимание на важное значение железнодорожного узла Суассона, безусловно необходимого противнику для надлежащего снабжения его войск, забравшихся в глубокий, но сравнительно узкий «мешок» у Шато-Тьерри. По моим указаниям от 14 и 15 июня ген. Манжен приступил к разработке плана наступления на расположенный недалеко от нас Суассон, а уже 20 июня этот план был готов. Нам стало ясно, что этим наступлением, с запада на восток, можно добиться большего, чем простое расстройство коммуникаций противника, при условии, что исходная база будет расширена и силы, предназначенные для него, будут увеличены.

Поэтому Манжен постепенно расширил фронт намеченного наступления до 24 км, которые отделяли его позиции на Эне от позиций на Урке, где он смыкался с левым флангом нашей 6-й армии. Постепенно были увеличены и силы, предоставленные в распоряжение Манжена, так что он должен был бы иметь для начала 18 дивизий (в том числе 1 и 2-я американские дивизии, образующие американский 3-й корпус), 3 кавалерийские дивизии, 240 батарей 75-мм пушек, 231 батарею тяжелой артиллерии, 41 авиаотряд, 375 танков.

Со своей стороны, командующий 6-й армией ген. Дегут сообщил, что он сможет действовать в том же направлении, продолжить вправо фланг 10-й армии и расширить на другом берегу Урка фронт намеченного наступления. Он раз-

работал план «возобновления наступления» 6-й армии, продолжая на фронте Урк, Клиньон операцию, предпринятую слева от него 10-й армией. В надлежащий момент в его распоряжение намечено было предоставить полк танков и одну или две пехотные дивизии. С этими добавочными силами, которые довели бы состав его атакующих войск до восьми дивизий, он должен был расширить фронт наступления на 26 км.

С 9 июля мы намечали также одновременную операцию 5-й армии, предпринятую между Марной и Реймсом в западном направлении. Но так как с того времени положение 5-й армии коренным образом изменилось, ее действия могли иметь только второстепенное значение.

Между тем 10 и 6-я армии целым рядом боевых действий, проведенных одно за другим, улучшили свою исходную базу. Так, к западу от Суассона 10-я армия расположилась на плато Кютри-Домье, а южнее она захватила д. Лонпон и Корси на опушке леса Виллер-Котрэ и выдвинула боевое охранение к востоку от ручья Савьер. Со своей стороны, 6-я армия снова овладела важными позициями к западу от Шато-Тьери, как д. Во, лесами Рош и Бело, где блестяще действовала американская 2-я дивизия.

Эти мелкие операции, очень тщательно подготовленные, стоили нам ничтожных потерь по сравнению с достигнутыми преимуществами морального и тактического порядка. Во всяком случае в этом районе они определенно понизили силу сопротивления противника, о чем свидетельствовало большое число захваченных нами пленных.

Чтобы смягчить переживаемый кризис численности личного состава, германское главное командование, вероятно, разделило свои дивизии на две категории: одни должны были только удерживать пространство фронтом к западу, другие — захватывать пространство в направлении на юг. Боевая ценность тех и других казалась неодинаковой.

Так обстояло дело с нашими планами и подготовкой, когда германское наступление дало почувствовать силу своего удара, правда, вскоре ослабленную. Несмотря на это наступление и некоторые опасения, мы продолжали и энергично развивали подготовку к многообещающей операции 10 и 6-й армий между Марной и Эной, в то же время подкрепляя импровизированными средствами наше временно ослабленное положение к югу от Марны и на фронте нашей 5-й армии.

На рассвете 18 июля 10 и 6-я армии перешли в наступление. В 4 ч. 35 м. на фронте от долины Марны до Нувронского плато значительно усиленная артиллерия обеих армий внезапно открыла огонь, тогда как пехота вышла из окопов без дальнейшей подготовки и двинулась вперед, предшествуемая своими танками и сопровождаемая в воздухе многочисленной авиацией.

К северу от Урка 10-я армия ворвалась на широком фронте в главную позицию сопротивления противника; к 10 час. она овладела Шодэном, Виерзи, Виллер-Элоном. Южнее 6-я армия, овладев линией германского охранения, провела, согласно плану, полуторачасовую артиллерийскую подготовку по позиции сопротивления противника. Затем она успешно возобновила продвижение и к полудню заняла эту позицию от Маризи-Сен-Мар до Торси.

Ввиду удачного хода этих атак я в тот же день отправил Петэну следующую частную директиву:

«1. Район к северу от Марны у Шато-Тьери оказывается наиболее удобным для плодотворного наступления.

Следовательно, надо сперва усилить операцию, предпринятую сегодня нашими 6 и 10-й армиями, а затем подготовить расширение этой операции на север.

2. С этой двойной целью необходимо немедленно сосредоточить все свободные свежие соединения к югу от линии Шато-Тьери, Реймс, Массиж, где, несомненно, намечается район наших демонстративных действий.

3. Для этого намечаются следующие соединения:

— британский 22-й корпус, который должен будет присоединиться к британским 15 и 34-й дивизиям;

— американская 42-я дивизия;

— французские или американские соединения, прибывающие с восточной части фронта.

4. Это перераспределение сил не должно ни в какой мере ограничивать наступательную деятельность 9, 5 и 4-й армий. Последняя будет поддерживаться путем перегруппировки введенных в дело сил, а не путем придачи новых сил».

В то же время я сообщил Хейгу, что «для лучшего использования уже достигнутых результатов» английские 15 и 34-я дивизии перебрасываются в район Виллер-Котрэ, где, оставаясь пока в резерве, они смогут подготовиться к участию в сражении.

Действительные результаты, достигнутые 18 июля, были

значительны. Кроме выигрыша пространства, который к концу дня привел авангарды 6 и 10-й армий примерно на линию Пернан, Нейи-Сен-Фрон, Торси, эти армии захватили 10 000 пленных и несколько сот орудий. Захваченный врасплох противник оказал в общем слабое сопротивление. Теперь он уже был лишен возможности пользоваться железными дорогами через Суассон.

19-го наше наступление продолжалось на всем фронте без особых затруднений, а наша бомбардировочная авиация бомбардировала переправы через Марну и скопления противника, обнаруженные в Ульши-ле-Шато и Фер-ан-Тарденуа. Эти скопления, казалось, указывали на то, что германское верховное командование собирается оборонять долину Урка, где наступление союзников явилось бы серьезной угрозой для германских войск, занимающих плато у Суассона и предмостную позицию к югу от Марны.

Таким образом, можно было ожидать, что в Тарденуа завяжется ожесточенное сражение. Поэтому, повидавшись 19-го утром с Петэном, я отдал ему следующую директиву:

«Завязавшееся сражение должно иметь целью уничтожение сил противника к югу от рр. Энны и Вель.

Оно должно вестись чрезвычайно активно и с предельной энергией, без потери времени, чтобы использовать достигнутую внезапность.

Оно будет вестись:

10-й армией, прикрытой р. Энной, а затем р. Вель, с целью захватить плато к северу от Фер-ан-Тарденуа, имея свой правый фланг в Фер-ан-Тарденуа;

6-й армией, которая будет поддерживать продвижение 10-й и выдвинет свой левый фланг в Фер-ан-Тарденуа;

9 и 5-й армиями, которые как можно скорее энергично перейдут в наступление, — 9-я армия, чтобы отбросить противника к северу от Марны, 5-я, чтобы снова занять сперва фронт Шатийон, Блинье, а позднее шоссе Виль-ан-Тарденуа, Верней».

Фактически с 20 июля сопротивление противника усилилось. В этот день 10-я армия оставалась прикованной к плато западнее и юго-западнее Суассона. Только на ее правом фланге ее части несколько продвинулись в направлении Ульши-ле-Шато. 6-я армия также встретила большие затруднения между Урком и Марной и лишь незначительно продвинулась вперед, тогда как 5-я армия, в свою очередь пере-

шедшая в наступление при поддержке двух британских дивизий, несколько продвинулась вперед на некоторых участках между Марво и Бельвалем.

Командование противника, сперва застигнутое врасплох, не могло не понимать значения ударов, нанесенных ему 18 и 19 июля нашими 10 и 6-й армиями, а также той опасности, которую представляло для его войск, выдвинувшихся на Марну и за нее, наше продвижение вдоль Эны и вдоль Урка на Фер-ан-Тарденуа. Оно ставило под сильную угрозу коммуникации противника и могло отрезать его войска и запасы, собранные на Марне для наступления 15 июля. Противнику приходилось спешно перебрасывать их обратно в тыл, а для этого он должен был во что бы то ни стало задержать или, по крайней мере, замедлить наступление наших 10 и 6-й армий с запада и 5-й армии с востока, не говоря уже о жертвах на обоих флангах. Только при таких условиях противник мог в течение 19 и 20 июля отвести войска и материальную часть, находившиеся к югу от Марны, а в последующие дни эвакуировать на линию Урка всякого рода запасы, сосредоточенные в лесистом районе к северу от Марны.

Таким образом, центр тяжести нашей операции перемещался к северу от этой линии, и 21 июля я отдал Петэну соответствующие директивы:

«...Чтобы извлечь из настоящего сражения все результаты, которые оно может дать, необходимо как можно энергичнее развивать операцию 10-й армии на плато к северу от Фер-ан-Тарденуа; для этого надо придать ей все свободные силы и средства, не говоря уже о непрерывной поддержке, которую должен оказывать ей левый фланг 6-й армии, и о продолжении наступления на фронтах 9 и 5-й армий...»

Через день, 23 июля, я снова настаивал:

«...Очень важно энергично и немедленно взять управление операцией в свои руки, чтобы извлечь из происходящего сражения все результаты, которые оно еще может дать...»

Все свободные силы и средства должны быть предоставлены 10-й армии... Надо, чтобы эта армия сосредоточила их на одном участке своего фронта для мощного наступления в особенно важном направлении, а именно — на район Фер-ан-Тарденуа.

Поддержанное справа 6-й армией, которая сосредоточит все свои свободные силы на своем левом фланге, это наступление может в результате заставить противника в трудной

для него обстановке очистить весь район к югу от Фер-ан-Тарденуа.

Вследствие передачи всех свободных сил в 10-ю армию 5-я армия будет располагать лишь ограниченными силами. Поэтому 5-й армии придется проводить последовательные операции, сосредоточивая силы для каждой из них и определяя их последовательный порядок так, чтобы каждая создавала благоприятные условия для последующей. Так, продвижение на высотах к северу от р. Ардр облегчит последующее наступление к югу от реки, а последнее, в свою очередь, заставит противника эвакуировать район к северу от Марны...

Однако, усиливая и направляя таким образом происходящее сражение, я не мог пренебречь возможностью ответного удара немцев на другом участке фронта. Чтобы вырваться из упрощавших им тисков, верховное командование центральных империй могло попытаться использовать свои резервы для диверсии к северу от Уазы или против английского фронта. Чтобы быть в состоянии отразить ее, я просил Петена перегруппировать в тылу французского левого фланга усталые дивизии, выведенные из сражения, и вернул в полное распоряжение Хейга обе британские дивизии, которые 12 июля предложил ему перевести к югу от Соммы.

Тем временем 6 и 10-я армии, сосредоточив на обоих берегах Урка большую часть своих наступательных средств, 25 июля бросили их в наступление в направлении на Ульши-ле-Шато. Блестящей атакой были захвачены Ульши-ля-Виль и Ульши-ле-Шато, и наши войска утвердились на западных склонах горы Шальмон, командующей над долиной Урка; это был крупный успех, отнявший у противника надежду и возможность задержаться на линии Урка.

На другой же день немцы отступили к высотам севернее этой реки так поспешно, что на некоторых участках наши авангарды не смогли сохранить соприкосновение с ними.

Вечером 29 июля французские 10, 6 и 5-я армии были задержаны перед этими высотами на общей линии Гран-Розуа, Фер-ан-Тарденуа, Серж, Виль-ан-Тарденуа, Вриньи.

Противник оказывал на этой линии сопротивление. 30 и 31 июля наши попытки выбить его оставались бесплодными. Деревни Серенж, Сержи, Виллер-Агрон по несколько раз переходили из рук в руки. Сражение снова дошло до мертвой точки.

Но, согласно моим директивам от 27 июля и распоряжениям

Петэна от 29 июля, 10-я армия снова перешла в наступление, 1 августа в 4 ч. 55 м. французские 25, 41, 68-я дивизии и английская 34-я дивизия, поддержанные танковыми частями, пошли в атаку на высоты Гран-Розуа. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, они с боем захватили германскую позицию между р. Орм у Гран-Розуа, высотой Сервенэ с тригонометрическим знаком и д. Крамай и удержались на ней, несмотря на многочисленные сильные контратаки. Эти решительные действия принудили немцев к новому отходу.

2 августа на рассвете перед 10, 6 и 5-й армиями противника не оказалось, и к вечеру они без выстрела вышли на плато к югу от р. Вель. Был снова занят Суассон.

3 августа продвижение продолжалось. Наши войска, выйдя на левый берег р. Вель, вступили вновь в соприкосновение с противником, а в некоторых местах выдвинули несколько подразделений к северу от реки.

Однако, выйдя к линии р. Вель, мы 4 августа нашли ее прочно занятой немцами. Они, повидимому, решили оборонять ее. Чтобы сбить их, пришлось бы организовать новую операцию крупными силами без надежды на скорое достижение решающих результатов; между тем мы готовились в Пикардии и Сантере другую операцию, которая могла иметь серьезные последствия. Наши силы не позволяли нам вести одновременно и это сражение и наступление на фр. Вель. Поэтому резервной и центральной группам армий было приказано «расположиться на позициях к югу от р. Вель, продолжая создавать у противника впечатление, что подготовка к атаке продолжается...»

Так после трехнедельной борьбы закончилось второе сражение на Марне, неудачно начатое немцами 15 июля, продолженное и с успехом проведенное союзниками, начиная с 18 июля. Удачное стечение обстоятельств привело к участию в нем американских, британских, итальянских и французских дивизий. В итоге его союзники получили значительные преимущества: было захвачено 30 000 пленных, более 600 орудий, 200 минометов, 3 000 пулеметов; фронт укоротился на 45 км, восстановлено железнодорожное сообщение Париж — Шалон, ликвидирована угроза Парижу.

Но, главное, было подорвано моральное состояние германской армии и повысилось моральное состояние войск союзников. После вынужденной четырехмесячной обороны, вызван-

ной превосходством сил противника, победоносное контрнаступление передало в наши руки инициативу операций.

Было чрезвычайно важно сохранить в своих руках управление ходом войны, развивая и ускоряя ее фазы и удары в ряде планомерных операций, вводя в дело все силы и средства союзников как можно быстрее, не давая противнику оправиться.

Глава девятая

Записка от 24 июля

Проникнувшись этими соображениями, особенно с тех пор, как германское наступление было задержано, мы, по мере того как выяснились результаты нашей победы в Тарденуа, устанавливали порядок их осуществления.

Непосредственное проведение наших замыслов в жизнь должно было базироваться на всех ресурсах, которыми мы располагали в данное время и на которые могли рассчитывать в будущем. Оно должно было также, наряду с достижением тактических успехов, преследовать результаты, могущие увеличить эти ресурсы или облегчить их использование. Наконец, чтобы увлечь за собой все умы, положение надо было представить так, чтобы было ясно, что благодаря постепенному возрастанию сил мы могли надеяться нанести общий удар с решающими результатами при условии, если мы ускорим наши операции и координируем их во времени. Поэтому я составил следующую памятную записку:

«I. Пятое германское наступление, задержанное в самом начале, сразу оказалось неудачным.

Наступление, предпринятое французскими 10 и 6-й армиями, превратило его в поражение.

Это поражение мы прежде всего должны использовать до конца в самом районе сражения; этого мы и добиваемся, непрерывно и с величайшей энергией продолжая в этом районе свои атаки.

Но последствия этого поражения чувствуются далеко за пределами самого поля сражения.

II. Поражение противника обуславливает также общий образ действий, которого должны придерживаться союзные армии.

Действительно, на сегодняшний день мы, еще не имея на своей стороне преимущества в числе дивизий, достигли по

крайней мере равенства в числе батальонов и вообще в численности бойцов.

Впервые, благодаря числу дивизий, которые немцы были вынуждены ввести в дело, мы располагаем преимуществом в численности резервов, а благодаря значительному числу расстроенных дивизий, которые немцы вынуждены будут сменить свежими частями, мы будем также обладать преимуществом в количестве свежих резервов.

С другой стороны, все полученные сведения говорят о том, что противник вынужден иметь две армии: оккупационную армию, приносимую в жертву, не получающую пополнений, подолгу выдерживаемую на фронте, и ударную армию, маневрирующую под прикрытием этого хрупкого фасада и составляющую предмет всяческих забот со стороны германского главного командования, но уже сильно растрепанную.

Кроме того, на стороне союзников—неоспоримый материальный перевес в авиации и танках. Перевес в артиллерии, все еще ничтожный, должен увеличиться по мере прибытия американской артиллерии.

Наконец, в тылу союзников из мощного американского запаса ежемесячно прибывает по 250 000 человек, тогда как противнику, как нам известно, пришлось прибегнуть в мае к исключительным мерам для преодоления кризиса живой силы. Затруднения, испытываемые немцами в деле комплектования своих частей личным составом, свидетельствуют о наступлении нового кризиса.

Ко всем этим явным признакам изменения фактора материальной силы в нашу пользу присоединяется моральное превосходство, укрепившееся на нашей стороне с самого начала сражения благодаря тому, что противник, несмотря на свои не имевшие себе равных усилия, не смог добиться необходимого для него решающего результата; в настоящее время этот моральный перевес еще увеличился благодаря победе, одержанной союзными армиями.

Таким образом союзные армии в разгар сражения снова взяли инициативу в свои руки; их силы позволяют им сохранить эту инициативу, а принципы военного искусства требуют от них этого.

Настало время отказаться от оборонительного образа действий, диктовавшегося до сих пор относительной численной слабостью, и перейти в наступление.

III. Еще не задаваясь целью добиться решения, мы в этом

наступлении, слагающемся из ряда операций, которые должны быть предприняты теперь же, будем стремиться к результатам, благоприятствующим:

а) дальнейшему развитию операций;

б) экономической жизни страны.

Кроме того, оно позволит союзникам сохранить в своих руках инициативу.

Эти операции должны быть проведены быстро одна за другой, что позволит нанести противнику ряд повторных ударов; это условие естественно ограничивает их размах, уже ограниченный сократившимся после четырехмесячного сражения числом соединений, которыми будут располагать для наступления союзные армии.

Исходя из этих соображений, установлен следующий общий план ближайших наступательных действий.

1. Действия, направленные на ликвидацию угрозы железным дорогам, необходимым для последующих операций союзных армий:

а) ликвидация угрозы железной дороге Париж — Аврикур в районе Марны как минимальный результат происходящего сейчас наступления;

б) ликвидация угрозы железной дороге Париж — Амьен совместными действиями британских и французских армий;

в) ликвидация угрозы железной дороге Париж — Аврикур в районе Камерси путем захвата Сен-Миельского выступа¹ — операция, которая должна быть немедленно подготовлена и предпринята американскими армиями, как только они будут располагать необходимыми силами и средствами.

2. Операции, имеющие целью ликвидировать угрозу северному горнопромышленному району и окончательно отеснить противника от района Дюнкерка и Калэ.

Эти операции предполагают два наступления, которые могут быть проведены отдельно или в сочетании одно с другим.

Как сказано выше, все эти операции надо провести через короткие промежутки времени, так чтобы помешать противнику последовательно использовать свои резервы и не дать ему времени восстановить свои части.

¹ Не говоря о выгодном, впрочем, для обоих противников, сокращении фронта, к которому привела бы эта операция, она приближает нас к району Бриэ и дает нам возможность предпринять операцию крупного масштаба между Маасом и Мозелем, что впоследствии может стать необходимым.

Для них должны быть выделены необходимые крупные силы, так чтобы наверняка добиться успеха.

Наконец, должен быть во что бы то ни стало достигнут эффект внезапности. Недавние операции показали, что это — необходимое условие успеха.

IV. В настоящее время еще невозможно предугадать, к какому выигрышу приведут вышеуказанные намеченные нами операции и на сколько времени они затянутся. Однако, если намеченные результаты будут достигнуты не слишком поздно, то можно уже теперь предусматривать на конец лета или на осень крупное наступление, которое может увеличить наши преимущества, не давая противнику передышки.

Сейчас еще слишком рано более точно определять подробности этого наступления.

V. Наконец, надо предвидеть, что во время этих операций противник, чтобы вырваться из охвата или чтобы сэкономить живую силу, будет вынужден последовательно отходить на заранее оборудованные более короткие позиции.

Эти маневры не должны явиться неожиданностью для союзных армий.

Поэтому очень важно в каждой армии:

— определить возможность отхода противника путем изучения его тыловых оборонительных сооружений;

— наблюдать за противником, чтобы обнаружить малейший признак отхода;

— подготовиться ко всем действиям, необходимым для того, чтобы противник не мог проводить эти маневры непо тревоженным».

24 июля, в то время когда еще шло победоносное сражение в Тарденуа, главнокомандующие союзными армиями, фельдмаршал Хейг, ген. Петэн и ген. Першинг, собрались в моей ставке в Бонбоне для совместного обсуждения открывающихся перед нами возможностей. На этом совещании начальник моего штаба ген. Вейган прочел им вслух вышеприведенную заметку. И я должен признать, что она вызвала у присутствующих некоторое удивление своим смелым размахом, масштабами и числом намеченных операций. Каждый из них высказался со своей точки зрения, не лишенной оснований. Хейг сказал, что британская армия, совершенно дезорганизованная мартовскими и апрельскими событиями, еще далеко не приведена в порядок; Петэн — что, французская армия после четырех лет войны в настоящее время истощена и все

еще обессилена и обескровлена; Першинг — что американская армия рвется в бой, но еще не сформирована. Как при таких условиях можно было думать о проведении повторных наступлений крупного масштаба?

Признавая всю обоснованность этих замечаний, я указал, что эти временные слабости учтены и что наши силы будут использованы во взаимодействии, и заявил, что считал план возможным и осуществимым, причем его можно будет проводить темпом, который я буду устанавливать в зависимости от обстановки, ускоряя или замедляя его, сообразно успешности нашей операции.

Главкомандующие не выдвинули формальных возражений. Уезжая, они взяли с собой текст записки от 24 июля и на следующий день сообщили о своем полном согласии, — в принципе они согласились на намеченные операции.

На совещании 24 июля был рассмотрен еще один вопрос — о необходимости для союзников при любых условиях решить исход войны в 1919 г. Лично я в письме, написанном незадолго до того, просил Клемансо призвать подлежащих призыву в 1920 г. еще в октябре 1918 г. по следующим соображениям:

«1919 год будет решающим годом войны. Начиная с весны, Америка максимально увеличит свою помощь союзникам. Если мы хотим сократить длительность борьбы, мы должны, начиная с этого момента, придать ей максимальную интенсивность, а следовательно, иметь в наших армиях все возможные силы...», так как, заканчивал я, «чем сильнее мы будем, тем скорее мы победим и тем больше будут прислушиваться к нашему голосу».

В духе этого письма я 24 июля обратился и к главнокомандующим, прося их составить баланс сил и средств, которыми они будут располагать в начале 1919 г. в отношении численности личного состава, крупных соединений, артиллерии, авиации, танков, автотранспортных средств повышенной проходимости.

Я особенно настаивал на необходимости не только удерживать, но и усиливать наш перевес в танках и просил главнокомандующих повлиять на свои правительства в смысле ускорения производства этой материальной части.

Придерживаясь плана ближайших операций, ген. Петэн прислал мне 26 июля свое письменное согласие, добавляя, что, по его мнению, наступление на Сен-Миельский выступ

явится вместе с операциями в Армантьерском «мешке» тем большим наступлением, которое намечено на конец лета и на осень. Оно, вероятно, истощит французские ресурсы на 1918 г., но «зато будет достигнут полезный и полный результат...»

Два других главнокомандующих не прислали своего письменного согласия с положениями доложенной им записки, ограничившись устным выражением согласия.

Глава десятая

Частные наступления союзников

(август — сентябрь 1918 г.)

1. Ликвидация угрозы Амьену и железной дороге Париж—Амьен

Исходя из вышеуказанных соображений и основанных на них мероприятий, мы должны были начать 8 августа второе крупное наступление, на этот раз франко-британскими силами, — сражение в Сантере¹. Оно имело особенно важные последствия.

Еще с 3 апреля мы носились с мыслью отобрать у противника выступ Мондидье, препятствовавший использованию железной дороги Париж — Амьен. Затем немцы утвердились в районе Виллер-Бретонё, близость которого угрожала последним франко-британским железнодорожным сообщениям. Из этого района артиллерия противника уже поражала железнодорожный узел Амьена.

Важно было как можно скорее ликвидировать угрозу району Амьена и железной дороге Амьен — Париж. Фельдмаршал Хейг хорошо понимал эту необходимость. 17 июля он писал мне: «Операция, которая, на мой взгляд, имеет величайшее значение и которую я предлагаю провести как можно скорее, заключается в том, чтобы продвинуть фронт союзников к востоку и юго-востоку от Амьена для ликвидации угрозы этому городу и железнодорожной линии. Наилучшим способом достижения этой цели была бы совместная франко-британская операция, в которой французы атакуют бы к югу от Морей, а англичане — к северу от р. Лис...»

¹ Сантер — район Перонна и Мондидье. — Ред.

Это предложение соответствовало моим предыдущим директивам и моей точке зрения, особенно после успехов в районе Суассона и в Тарденуа. 20 июня я писал Хейгу:

«В нашем положении необходимо сковывать противника и атаковать его всюду, где только возможно, с выгодой для себя. Поэтому я был особенно обрадован вашим письмом от 17-го, в котором вы сообщаете мне о различных планах, задуманных вами на вашем фронте...

Я думаю, что комбинированную операцию британской 4-й и французской 1-й армий, имеющую целью ликвидировать угрозу Амьену и железной дороге, надо провести теперь же ввиду весьма выгодных для нас результатов, к которым она может привести...

...Считаю целесообразным предложить командующим британской 4-й и французской 1-й армиями договориться между собой, чтобы немедленно выработать проект, который затем мы окончательно утвердим по взаимному соглашению...»

В заключение я писал:

«В настоящее время противнику, повидимому, приходится иметь две армии: одну — оккупационную, принесенную в жертву и поэтому не имеющую большой ценности, как доказывает полный успех предпринимавшихся нами за последнее время многочисленных небольших операций и число пленных, захваченных во время этих операций; другую — ударную, специально натренированную, но уже серьезно пострадавшую.

При таком положении надо использовать слабость противника, немедленно предприняв несколько наступлений на участки его фронта, занятые оккупационными войсками.

Надо использовать также неудачу последнего наступления противника, размеры которой с каждым днем увеличиваются. Не следует упускать этот удобный случай».

Как мы видели, это франко-британское наступление, имевшее целью ликвидировать угрозу железной дороге и Амьену, входило в план записки от 24 июля, оглашенной главнокомандующим в Бонбоне.

Уже 26-го в Саркюсе, на совещании с Хейгом, где присутствовали ген. Ролинсон и Дебенэ, мы наместили в общих чертах план наступления. Последнее должно было начаться с фронта р. Сомма, Аржикур; британская 4-я армия¹ силой

¹ Ролинсона.

в 12 дивизий должна была наступать в направлении на Шон (Chaumes), французская 1-я армия¹ в составе 4—6 дивизий — в направлении на Руа.

28 июля была отдана следующая директива:

«1. Цель операции — ликвидировать угрозу Амьену и железной дороге Париж — Амьен, а также разбить и отбросить противника между рр. Соммой и Авр.

2. Для этого наступление, прикрытое с севера Соммой, следует развивать как можно дальше в направлении на Руа.

3. Наступление будет вестись:

а) британской 4-й армией силой в 12 пехотных и 3 кавалерийских дивизии и поддержанной

б) французской 1-й армией, усиленной 4 дивизиями.

Первая будет наступать к северу, вторая — к югу от шоссе на Руа, после того как будет обеспечен выход к югу от р. Люс и к востоку от р. Авр».

Так как к этому времени, несомненно, уже сказались бы результаты нашей победы в районе Суассона, важно было ускорить подготовку к наступлению к югу от Соммы, не давая противнику передышки. Для обеспечения полного взаимодействия между британской 4-й и французской 1-й армиями, которые должны были действовать совместно, а также для более энергичного выполнения поставленной задачи, я просил фельдмаршала Хейга лично принять на себя командование над этими армиями; этим объясняется мое второе за этот день письмо к Хейгу, переданное ему в Монтрее ген. Вейганом:

«Сегодня, 28-го, наше продвижение к р. Ардр и Эне быстро развивается. В районе Марны противник отходит на север. Несомненно, он займет за этой рекой оборонительную позицию, которую мы не сможем атаковать немедленно и которая, вероятно, позволит ему привести свои войска в порядок и через некоторое время выделить новые резервы.

При таких условиях представляется желательным ускорить совместную операцию вашей 4-й армии с нашей 1-й армией. Она наверняка застала бы противника менее подготовленным к встрече.

Поэтому я прошу вас по возможности ускорить начало этой операции. Я соответствующим образом ускорю возвращение вашего 22-го армейского корпуса.

Наконец, так как эта операция двух союзных армий тре-

¹ Дебенэ.

бует единого руководства, я прошу вас согласиться лично принять командование над ними».

29 июля сэр Доглас Хейг дал свои общие директивы ген. Дебенэ, а 31-го последний отдал приказы трем французским корпусам, которые должны были действовать к югу от британской 4-й армии. Кроме того, чтобы облегчить охват Мондидье, 1-й армии был придан левофланговый корпус 3-й армии, расположенный к югу от этого города.

Частные операции, проведенные за истекшие недели, уже обеспечили армиям значительно более выгодное исходное положение. Так, 4 июля британская 4-я армия захватила к югу от Соммы лес Вер и д. Амель, а французская 1-я армия, взяв 12 июля Аншен и Кастель, 23-го овладела деревнями Майи-Ренваль, Совиллер, Обвилье и плато, на котором они расположены, причем захватила около 2000 пленных и несколько орудий.

Этот последний бой имел для нас особенно благоприятные последствия. Угрожаемый в своем расположении на левом берегу р. Авр, противник отошел на правый берег этой реки, оставив к западу от Мондидье лишь некоторые передовые части (3 и 5 августа). Если добавить сюда, что в то же время перед фронтом британской 3-й армии немцы отошли к востоку от р. Анкер между Сен-Пьером и Дернанкуром и что во Фландрии они уступили британской 2-й армии часть их позиций к югу от р. Лис, мы увидим, какие признаки истощения проявлял противник в первых числах августа и насколько благоприятной представлялась обстановка для франко-британского наступления в Пикардии.

* * *

8 августа в 4 часа, в тумане, еще окутывавшем приготовления, закончившиеся ночью, артиллерия открыла сильнейший огонь и подавила батареи противника. В британской 4-й армии пехота и танки немедленно пошли в атаку; во французской 1-й армии, занимавшей исходное положение под углом к англичанам, наступление началось после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 45 минут.

Противник был застигнут врасплох быстротой и энергией атаки. Он отошел в полном беспорядке, оставив значительное количество материальной части. За день мы продвинулись вперед больше чем на 10 км на фронте более 20 км.

Мы прочно утвердились на плато Сантер и вышли на линию Морланкур, Маркур, Арбоньер, Кэ и Аржикур. Более 13 000 пленных и более 300 захваченных нами орудий свидетельствовали о размерах нашего успеха. Надо было энергично развивать успех, продолжая предпринятую операцию. С этой целью 9-го утром полк. Дестикер передал от меня ген. Дебенэ следующую записку:

«Безусловно необходимо, чтобы французская 1-я армия как можно скорее достигла Руа и вошла там в связь с 3-й армией.

Только когда этот результат будет достигнут, сама обстановка покажет, что делать дальше,—остановиться или продолжать движение вперед.

Именно потому, что сейчас еще нельзя определить дальнейших действий, нельзя так или иначе ограничивать свои возможности. Поэтому ни в коем случае не следует отсылать ни одной дивизии в тыл. Дивизии, которые не смогут продвигаться дальше, обгоняются свежими, переходят во вторую линию и поддерживают наступление до достижения результатов, намеченных высшим командованием.

Итак: двигаться быстро, бросать вперед значительные силы, маневрируя передовыми частями; поддержать их с тыла всеми силами до достижения результатов. Выполнение этих трех условий позволит избежать потерь за несколько дней боя».

Спустя немного времени я послал вторую записку ген. Дебенэ, все внимание которого было, повидимому, поглощено затруднениями, встреченными его правым флангом при переправе через р. Авр ниже Мондидье:

«Обеспечив себе ось для маневра по ту сторону Мондидье, ген. Дебенэ не должен упускать из виду, что его ударная фланговая группа (*aile marchante*) находится на правом берегу р. Авр на шоссе на Руа, в тесной связи с более сильной английской армией. Именно там он и должен, главным образом, оказывать личное воздействие, в частности немедленно, не теряя ни минуты, без малейших задержек и колебаний, бросить 31-й корпус на Руа.

Именно там решается вопрос, а следовательно, там необходимо его личное присутствие и влияние».

Днем 9 августа франко-британский фронт снова значительно продвинулся вперед и был перенесен на линию Морланкур, Шипийи, Розьер-ан-Сантер, Бушуар, Пьерпон, Асен-

виллер, Ле-Трокуа. В следующую ночь Мондидье, охваченный с севера и с юга, был очищен немцами.

10-го атаки продолжались, и мы опять захватили значительное пространство к северу от Соммы в направлении на Брэ и к югу от нее в направлении на Шон и Руа.

Исполняя приказ ген. Файоля, который с 5 августа, «предвидя косвенные последствия, которых можно было ожидать от франко-британского наступления, подготовил операцию 3-й армии справа от 1-й с целью захвата всей Малой Швейцарии к югу от Нуайона¹», французская 3-я армия двинулась на Ласиньи и к вечеру 10 августа вышла на фронт Конши-лэ-По, Рессон-сюр-Мас, Машмон.

Ввиду таких результатов союзное главное командование отдало 10 августа общую директиву подчиненным ему командующим для координации и направления их общих усилий:

«1. Операцию британской 4-й и французской 1-й армий продолжать на восток в общем направлении на Ам..., британской 4-й армии постараться выйти на Сомму ниже Ама, чтобы подготовить переправу через нее, продолжая в то же время свои действия по обе стороны этой реки от Брэ на Перонн; французской 1-й армии поддерживать это продвижение, стремясь выйти на дорогу Ам, Гискар.

2. Французская 3-я армия теперь же предпринимает движение в направлении на Ласиньи, Нуайон, чтобы использовать продвижение французской 1-й армии и очистить район Мондидье, а затем и район Нуайона.

3. Фельдмаршала Хейга просят обратить внимание на безусловную желательность подготовки в ближайшее время операций британской армии в общем направлении на Бапом и Перонн с целью прорыва фронта противника и немедленного преследования».

Действительно, во время нашего победоносного продвижения по левому берегу Соммы надо было предвидеть момент, когда оно остановится, выдохшись или перед серьезным препятствием, еще обороняемым противником. К этому моменту надо было подготовить операцию на правом берегу Соммы и в Артуа. Этим и объясняется третий пункт моей директивы от 10 августа.

10-го утром я отправился к Хейгу, чтобы объяснить ему

¹ Отчет маршала Петэна.

идею подготовки к развитию его атак к северу от Соммы и в районе Арраса. Таким путем мы не позволили бы в борьбе на тесном пространстве свести на-нет завоеванные нами преимущества; мы воспользовались бы расстройством, внесенным в мероприятия противника нашими победами; мы продолжали бы подрывать его сопротивление, нанося новые удары.

Поэтому необходимо было начать подготовку этих операций.

* * *

Однако после трех дней непрекращающихся атак франко-британские армии внезапно встретили серьезное сопротивление. Противник во многих пунктах дошел до своих прежних позиций 1914 г.; казалось, что он собирается оказывать там упорное сопротивление.

Действительно, 11 августа левый фланг французской 1-й армии и британская 4-я армия лишь с трудом продвигались вперед между рр. Авр и Соммой, тогда как французская 3-я армия и правый фланг 1-й армии значительно продвинулись вперед в направлении на Ласиньи.

Я настаивал перед Хейгом на том, чтобы движение на Брэ энергично продолжалось, и вечером 11-го лично поехал к нему, чтобы снова просить его вести свои атаки со всей силой. Однако на другой же день пришлось признать, как я высказал в письме к британскому и французскому главнокомандующим, что необходимо применить новую тактику, для того чтобы добиться намеченных результатов между Соммой и Уазой, а именно—отбросить противника на Сомму и захватить переправы через нее в Аме и ниже по течению.

«...Ввиду сопротивления, оказываемого противником, не может быть и речи о том, чтобы для достижения этих целей производить равномерный нажим по всему фронту; это привело бы нас к тому, что мы всюду оказались бы слишком слабыми. Наоборот, следует направить сосредоточенные мощные удары по важным пунктам района, овладение которыми увеличит расстройство противника, в частности, поставит его коммуникации под угрозу. Эти действия должны быть быстро и сильно организованы путем быстрого сосредоточения и введения в дело имеющихся поблизости сил и средств, соответствующих характеру встреченных препятствий (танки, артиллерия, вполне боеспособная пехота...)».

В таком порядке надо было предпринять:

а) Как можно скорее комбинированное наступление французской 1-й армии и правого фланга британской 4-й армии с целью овладеть узлом дорог у Руа; это наступление должна была поддерживать с юга французская 3-я армия, имеющая задачей очистить от противника район Нуайона.

б) Без промедления наступление центра британской 4-й армии из района Лион, Эрлевиль в северо-восточном направлении с целью захватить или по крайней мере держать под огнем полевой артиллерии шоссе Амьен, Бри; это наступление должно быть согласовано с наступлением левого фланга британской 4-й армии в восточном направлении».

Но, озабоченный тем, чтобы придать нашему наступлению еще больший размах, я добавил:

«Эти результаты могут быть значительно увеличены путем расширения фронта атаки на обоих флангах, с одной стороны, к северу от Соммы, с другой — к востоку от Уазы».

С этой целью мы рекомендовали:

а) к северу от Соммы — наступление британской 3-й армии в общем направлении на Бапом, Перонн;

б) к востоку от Уазы — наступление французской 10-й армии в направлении на Шони и шоссе Шони, Суассон.

В заключение я писал:

«Результаты, достигнутые французской 3-й армией своими силами, показывают выгоды наступательных действий на фланге победоносного наступления.

С 15 июля противник ввел в сражение 120 дивизий. Сейчас представляется удобный случай, который наверное не скоро повторится и который требует от всех усилия, вполне оправдываемого ожидаемыми от него результатами... Интересы нашего дела требуют, чтобы вышеуказанные наступательные операции были проведены как можно скорее и через возможно меньшие промежутки времени».

После полудня того же 12 августа я встретился в Фликсекуре, близ Амьена, с фельдмаршалом Хейгом и ген. Петэном, вызванными, как и я, на аудиенцию к английскому королю; они уверили меня в своем полном согласии с вышеприведенной оперативной директивой.

Таким образом можно было вновь начать хорошо организованные мощные наступления из нового исходного положения.

С 13 августа в различных армиях начались перегруппи-

ровка и сосредоточение сил; 14-го началась артиллерийская подготовка в британской 4-й и французской 1-й армиях, которые ген. Энбер (3-я армия) и Манжен (10-я армия) готовились поддержать с юга. Возобновление комбинированного наступления на Руа, Нуайон, Шони было назначено на 16 августа.

После полудня 14 августа я поехал в Провен, чтобы переговорить с Петэном о намеченных операциях. Около 16 час. меня догнал по дороге английский офицер, прилетевший на самолете с письмом от Хейга. Последний доносил, что за последние двое суток стрельба артиллерии противника на фронте британской 4-й и французской 1-й армий значительно усилилась, что германские позиции на линии Шон, Руа прочно удерживаются противником и что поэтому он решил отложить операцию, назначенную на 16 августа, «до тех пор, пока не будет проведена соответствующая артиллерийская подготовка, так чтобы атака позиций противника была вполне подготовлена. Эту операцию можно будет провести одновременно с наступлением на фронте 3-й армии (английской), подготовка к которому ведется в ускоренном темпе».

В этот момент я, вполне понимая, что нельзя бросать войска в атаку без действительной артиллерийской подготовки, не видел необходимости «ставить начало наступления английской 4-й армии и французской 1-й армии в зависимость от наступления английской 3-й армии. Наоборот, надо было насколько возможно ускорить наступление британской 4-й и французской 1-й армий, за которым должно было также возможно скорее последовать наступление британской 3-й армии». В этом смысле я и ответил на письмо фельдмаршала Хейга.

Вернувшись в свой штаб в Бонбоне и осведомившись об обстановке на французском фронте, я дополнил свою мысль в новом письме британскому главнокомандующему, указав ему, что «ввиду мер, уже принятых во французской 1-й армии, и уже начавшейся артиллерийской подготовки отсрочка операции в направлении на Руа, назначенной на 16-е, представила серьезные неудобства». Поэтому намеченный день должен был оставаться без изменений, а британская 4-я армия должна была «16-го оказать поддержку французской 1-й армии при ее продвижении до Атанкура, если только это не окажется безусловно невозможным для войск правого фланга

этой армии», о чем Хейг должен был мне немедленно сообщить.

Как мы видим, противник к западу от Соммы оправился и усилил сопротивление, используя для этого прежние оборонительные линии 1916 г. В какой же мере нам надо было считаться с этой обстановкой?

Утром 15 августа я поехал в Саркюс, где принял ген. Дебенэ. Он заявил мне, что намеченное наступление на Руа, несомненно, будет очень трудным; со своей стороны, он считал, что если его силы и достаточны для проведения этого наступления, то для развития его они окажутся слишком слабыми. В тот же день после полудня я еще имел разговор с Хейгом. Он снова изложил мне причины, почему он считает наступление к югу от Соммы очень трудным, а успех — сомнительным даже при значительных потерях. По его мнению, искомый результат мог быть достигнут косвенным образом, но вернее — британской 3-й армией, которая, наступая к северу от р. Анкр на фронте Миромон, Монши-ле-Пре в юго-восточном направлении, выйдет в тыл линии Соммы к югу от Перонна.

В итоге я согласился с точкой зрения Хейга и изменил свои распоряжения от 12 августа относительно операций на Сомме, но с той оговоркой, что темп наступления британской 3-й армии должен позволить энергично возобновить натиск к югу от Соммы, чтобы захватить там указанные раньше объекты. Я подтвердил эти различные пункты в письме, отправленном Хейгу в тот же вечер.

Теперь надо было предвидеть совместную операцию британских 4 и 3-й армий во взаимной связи и операцию французской 1-й армии, согласованную с операциями 3 и 10-й французских армий. Поэтому в тот же день 1-я армия была снова подчинена командующему группой армий, к которой она принадлежала, — ген. Файоллю, подчиненному главнокомандующему ген. Петэну.

В то же время я Петэна известил по телеграфу, что наступление на Руа и Шон временно откладывается, что британские армии деятельно готовятся расширить свою операцию, так чтобы она захватила и фронт между рр. Анкр и Скарп, и что они рассчитывают полностью развить эту операцию около 20 августа. Поэтому Петэну предлагалось скомбинировать действия его 1, 3 и 10-й армий с целью освободить район Ласиньи, Нуайон, Карльпонский лес и подготовить

последующее освобождение района Руа, Шони, Нуайон. Так как эти операции, подобно операциям британской армии, имели целью вызвать отход германских войск, занимающих расположение к западу от Соммы, необходимо было поддерживать энергичный нажим с этой стороны.

2. Расширение фронта франко-британского наступления

С середины августа мне не давала покоя мысль, что германское командование отведет свои армии из-под угрозы охвата и внезапно выйдет из боя, с тем чтобы возобновить его на некотором расстоянии в тылу в лучших условиях; оно выберет местность, имеющую препятствия, допускающую сокращение фронта и выгодное контрнаступление, — одним словом, попытается провести в условиях позиционной войны маневр, аналогичный тому, посредством которого ген. Жоффр подготовил и выиграл первое сражение на Марне.

Противник мог бы попытаться спасти свои армии от ожидавшей их участи. Он мог освободиться от нашего нажима, выйти из соприкосновения, которое повсюду поддерживали с ним самым тесным образом, и, используя время, которое обеспечивала ему медленность нашего продвижения по опустошенным районам, вновь устроиться на таком тыловом рубеже, как линия Антверпен, Брюссель, Намюр, р. Маас, р. Шьер, Мец, Страсбург, чтобы собрать на ней все свои силы и организовать новое сопротивление, вынуждая нас к серьезному усилию в начале зимы. Эта линия была бы вдвое короче фронта, простиравшегося от Северного моря до Вогез. На большей части своего протяжения она имела серьезные естественные препятствия, а обоими концами очень прочно опиралась на долговременные фортификационные сооружения. К этой линии союзные армии могли бы подойти достаточными силами не раньше чем недели через две, — срок, который мог быть хорошо использован германским командованием. А в этом случае союзным армиям пришлось бы снова начинать большое сражение, требующее продолжительной и серьезной подготовки, на поле сражения, охватывающем столь сильно укрепленную Лотарингию, труднопроходимые Арденны и — на небольшом протяжении — низменные части Бельгии. Может быть, мы были бы вынуждены зазимовать там.

Но отход, с которым был связан такой маневр, который

один мог бы восстановить положение германских армий, был бы равносителен признанию германским командованием крупного военного поражения, что могло опасным образом подействовать на общественное мнение в Германии. Он означал оставление части Франции, большей части Бельгии, а также Верхнего Эльзаса. Он внес бы глубокие изменения в карту войны как раз в то время, когда обдумывались мирные предложения. Наконец, пришлось бы первым делом рискнуть вывезти или бросить огромное количество военного материала.

Во всяком случае союзное командование, ускоряя свои операции, принимало меры к тому, чтобы лишить противника всякой возможности осуществить такой маневр.

* * *

В результате принятых совместно мер франко-британское наступление должно было теперь вестись на расширенном фронте, от долины р. Энз до долины р. Скарп. Возобновление его было намечено на 20 августа.

На правом фланге французская 10-я армия 17 и 18 августа подготовила свою общую операцию частными боевыми действиями, которые привели к захвату высот, расположенных между Браси-ле-Валь и Морсеюм, и позволили выдвинуть вперед часть артиллерии.

20-го она атаковала главную позицию противника, выбила его с Нувронского плато и отбросила в лесистый район горы Шуази и Карльпона. 21-го она овладела этим районом и, преследуя разбитых немцев, 22 и 23 августа вышла на берега рр. Уазы и Элет. В то же время французская 3-я армия заняла Ласиньи и правый берег р. Дивет.

Первая задача, возложенная на эти армии,— освобождение района Ласиньи, Нуайон, Карльпонский лес,— была таким образом выполнена в три дня.

На левом фланге оперативной группировки в свою очередь вступила в дело британская 3-я армия под командой ген. Бинга. Вследствие задержки в прибытии некоторых частей,— задержки, о которой Хейг донес мне,— наступление было перенесено на 21 августа. Во избежание новой отсрочки, нежелательной ввиду результатов, достигнутых французской 10-й армией, я 19-го числа обратился с настоятельным призывом к Хейгу:

«...Противник повсюду поколеблен нанесенными ему ударами; мы должны, не теряя времени, повторить эти удары,

назначив для этого все дивизии, могущие без задержки вступить в бой. Поэтому я считаю, что наступление нашей 3-й армии, уже отсроченное до 21 августа, начнется в этот день с большой силой и увлечет вперед соседние дивизии 1-й армии и всю вашу 4-ю армию. После ваших блестящих успехов 8, 9, 10 августа... нерешительный образ действий мало соответствовал бы положению противника и моральному перевесу, который мы получили над ним».

Британская 3-я армия не обманула возлагавшихся на нее надежд 21 августа; быстро вторгнувшись в расположение германцев, она отбросила противника по ту сторону железной дороги Аррас, Альбер между Муайенвилем и Бокуром, 23-го возобновила свое движение вперед, а 25-го, пожиная плоды своих усилий, подошла в воротам Круазий и Бапома.

Используя это продвижение, британская 4-я армия перешла в наступление к северу от Соммы и заняла Мамесское плато и высоты Брэ.

Однако в то время как на обоих флангах — к северу от Соммы и на Уазе — развивалось победоносное наступление, франко-британский центр продолжал вести между Соммой и Уазой сильные бои в направлении на Руа, не достигая ощутительных результатов.

Казалось все более и более несомненным, что германское сопротивление в этом центральном районе будет сломлено только действиями на флангах, непрерывно расширяемыми и усиливаемыми. Я без труда убедил главнокомандующих в правильности этой точки зрения. В частности, еще 22 августа фельдмаршал Хейг во время свидания со мной в Муши-ле-Шатель, правильно оценив обстановку, с большой уверенностью заявил мне, что наступление его 3-й армии будет продолжаться с величайшей энергией, поддержанное к северу от Соммы британской 4-й армией. Командующие этими армиями, Бинг и Ролинсон, получили задачу как можно скорее выйти на линию Кean, Велю, Перонн. В то же время британская 1-я армия должна была около 26 августа в свою очередь перейти в наступление по ту сторону р. Скарп и попытаться прорвать линию Дрокур, Кean.

Эти намерения, выраженные в общем оперативном приказе британского главного командования от 24 августа, вполне соответствовали моему пониманию обстановки, моему стремлению ускорить ход событий и расширить фронт наших атак. Поэтому я 26 августа написал Хейгу:

«Ваши дела идут очень хорошо. Я могу только призвать ту решительность, с которой вы их ведете, не давая передышки противнику и все время расширяя район ваших действий. Именно это непрерывное расширение наступления, питаемого свежими силами и мощно развиваемого против правильно избранных объектов, без заботы о равнении или о поддержании слишком тесной связи, даст нам наибольшие результаты при наименьших потерях, что вы отлично и поняли. Мне нечего говорить вам, что армии ген. Петэна немедленно возобновят свое продвижение в таком же духе».

Наступательный порыв, охвативший Хейга, вызывал в нем даже стремление увлечь по следам своих победоносных войск и американские дивизии.

«... Я определенно держусь того мнения, — писал он мне 27 августа, — что желательно, чтобы и американские дивизии немедленно приняли активное участие в сражении, и я имею честь просить вас произвести распределение этих дивизий так, чтобы мы могли предпринять концентрическое движение на Камбрэ, а с юга — на Мезьер.

Нынешнее направление моих атак приведет меня к Камбрэ при условии, если будет непрерывно продолжаться нажим на остальные участки фронта противника».

Таким образом, мы видели, что приближается момент «решительного наступления», намеченного в моей записке от 24 июля.

Мы успешно провели намеченные освобождающие операции к северу от Уазы. Прежде чем оказаться в состоянии приступить к концентрическому продвижению на Камбрэ, мы должны были провести намеченные операции на Маасе, выделив для этого крупную группу американских войск. Поэтому я ответил Хейгу:

«... Указанные вами в вашем письме конечные объекты — те же, которые я намечаю со своей стороны и на которые я направляю все операции союзных армий.

В настоящее время эти операции организуются в различных районах через небольшие промежутки времени, причем каждая из них носит свой особый характер. Остается только развивать их как можно активнее. На это и направлены все мои усилия.

Только последующие события и их результаты позволят установить новое распределение имеющихся в нашем распоряжении сил и сказать, надо ли придать английской армии

еще несколько американских дивизий. А в данное время мы только должны нажимать покрепче и продвигаться как можно дальше вперед».

И действительно, нажимали мы крепко. 26 августа правый фланг британской 1-й армии под командой ген. Хорна, наступавший восточнее Арраса, блестящим ударом овладел высотой Монши-ле-Пре; на другой день он захватил переправы через р. Сансе ниже Круазий и, заняв 28-го этот последний пункт, подошел вплотную к укрепленной линии Дрокур, Кean, которая представляла серьезное препятствие на его пути, а также служила прочной базой противнику. Последний использовал ее 29 августа для сильной контратаки против английской 1-й армии, которую ему однако не удалось поколебать; однако этим он выиграл время, необходимое для отхода, происходившего южнее. Действительно, 27, 28, 29 августа противник, угрожаемый быстро развившейся операцией Хорна, непрерывно теснимый британскими 3 и 4-й армиями и французской 1-й армией, предпринял отступательное движение на широком фронте между рр. Сансе и Уазой и отошел на высоту к востоку от Бапома, за Сомму выше Перонна и за Северный канал, отдав союзным армиям такие важные центры, как Конбль, Шон, Руа, Нуайон. Он удержал к западу от Соммы только одну предмостную позицию впереди Перонна, из которой его пришлось выбивать с боем.

30 августа части британской 4-й армии овладели железнодорожным мостом к югу от города, а в ночь с 31 августа на 1 сентября они взяли штурмом гору Сен-Кантен, ключ обороны Перонна. На рассвете этот древний город был очищен от немцев.

В то время как британская 1-я армия, продолжая свое наступление на крайнем левом фланге поля сражения, готовилась атаковать линию Дрокур — Кean, а франко-британский центр (британские 3 и 4-я армии, французские 1 и 3-я армии) обходил и захватывал линию Соммы, французская 10-я армия, на правом фланге фронта сражения, вела ожесточенные бои между рр. Эной и Элет на плато к северу от Суассона, где хорошо укрепившийся противник оказывал отчаянное сопротивление. Ему важно было помешать охвату с юга массива Сен-Гобен, главного оплота его системы обороны за четыре года. Несмотря на это сопротивление, 10-я армия, борясь за каждый шаг, ежедневно выигрывала пространство.

2 сентября она вышла на высоты Круи и достигла шоссе Суассон, Куси-ле-Шато.

На другом фланге британская 1-я армия, попрежнему развивая операцию крупного масштаба, снова пошла в наступление. 2 сентября она после ожесточенной и упорной борьбы прорвала линию Дрокур—Кеан и продвинулась за нее на несколько километров в направлении на Маркион.

После этого мощного удара противник начал отступление на всем фронте от Соммы до р. Сансе и отошел за р. Тортий и Северный канал к линии Гинденбурга. Таким образом, в начале сентября в результате последовательного и быстрого развития операций, предпринятых после германского наступления 15 июля, победа перешла на сторону союзников, и цели, намеченные запиской от 24 июля, были достигнуты.

* * *

18 июля резервная группа армий (6 и 10-я армии) перешла в наступление между Эной и Марной; вскоре за ней последовала центральная группа армий (9 и 5-я армии), наступавшая между Марной и р. Вель. За три недели противник был оттеснен на Вель, и на большом расстоянии была освобождена железная дорога Париж — Шалон.

3 августа началось франко-британское наступление между рр. Анкр и Авр, вскоре расширившееся до Уазы. В три дня противник был отброшен почти до его позиций 1914 г. Амьен и железная дорога Париж — Амьен были вполне обеспечены от его ударов.

Когда эти результаты были достигнуты, наступление продолжалось тремя британскими армиями (1, 3 и 4-й) и тремя французскими (1, 3 и 10-й), действовавшими одновременно на всем фронте между Аррасом и Суассоном. После 15 дней борьбы противник отошел в расстройстве к позиции Гинденбурга.

Кроме того, непрерывные атаки, которым немцы подвергались с 18 июля, наносимые им крупные потери людьми и материальной частью, необходимость питать непрерывно развивающееся сражение, быть может, опасение остаться в выступе, в котором они рисковали подвергнуться новым атакам в неблагоприятных для них условиях,— побудили немцев сократить свой фронт в северном районе и добровольно отказаться от территории, которую они приобрели в апреле во

время их наступления в направлении на Азебрук. Между 8 августа и 4 сентября германское верховное командование отвело свои войска из выступа к югу от Ипра и расположило их на линии Витсхаэте, Армантьер, Ля-Бассэ, очистив такие важные позиции, как гора Кеммель, и избавив Бетюнский угольный бассейн от опасной угрозы, нависавшей над ним в течение четырех месяцев. Это было одно из преимуществ, — и не меньшее, — которое союзники извлекли из своей победы, хотя она еще только намечалась.

Одним словом, за шесть недель противник потерял все, что завоевал весной. Он потерял много людей и материальной части. А главное — он упустил управление войной, утратил моральное превосходство. Его материальное и моральное расстройство должно было быть очень значительным. Нам надо было только продолжать проводить свой план, ускорить освобождение железной дороги Париж — Аврикур в районе Комерси силами американской армии, как мы добились того для железных дорог Париж — Амьен и Париж — Шалон французскими и британскими армиями; в общем — надо было возможно скорее бросить в общее сражение, расширив его фронт на восток, последнюю армию, вступившую в борьбу, армию Соединенных Штатов, как это предусмотрено запиской от 24 июля.

С другой стороны, ввиду отступательных движений противника, свидетельствовавших о его усталости и недостатке резервов, я обратил внимание фельдмаршала Хейга и ген.-лейт. Жилена на возможность выгодно использовать создавшуюся обстановку на севере: «В частности, — писал я им 2 сентября, — мне кажется, что можно было бы при небольшой затрате сил предпринять бельгийской армией и британской 2-й армией операцию с целью занять Клерканские высоты, лес Хоутхульст, гребень Пасхендаэле, Геловельтские и Зандворские высоты, Комин. Помимо непосредственных выгод, которые эта операция принесет наступающему благодаря неожиданному расширению фронта наступления к северу от р. Лис, вышеуказанные результаты привели бы к созданию отличного исходного положения для последующих операций в направлении на Рулер и Куртрэ...»

Предлагая главнокомандующему британскими армиями и начальнику штаба британской армии немедленно разработать планы этих операций, я таким образом подготавливал проведение общего наступления, которое я уже теперь намечал для

союзных армий,—наступления, ставшего возможным благодаря успеху всех частных операций, проведенных с 18 июля, завершить которые должна была в Сен-Миельском выступе 1-я американская армия.

3. Ликвидация угрозы железной дороге Париж — Аврикур в районе Комерси

План американского наступления в Воэвре, как мы видели, был частью записки от 24 июля.

Для осуществления его было решено 22 июля, кроме формирования американской 1-й армии на Марне, сформировать на Маасе 2-ю американскую армию, которая по мере прибытия ее частей должна была занять полюсу фронта от Номени до района к северу от Сен-Миеля.

Возможность создать эти два крупных соединения в конце июля подчеркивала размеры, которые принимала американская помощь на французском фронте, а также свидетельствовала о страстном желании ген. Першинга возможно скорее видеть экспедиционные силы объединенными под его командованием, пользоваться такой же самостоятельностью, как и прочие союзные армии, и поскорее итти в бой под собственным знаменем.

Я, больше чем кто-либо другой, был убежден в необходимости как можно скорее сформировать большую американскую армию, подчиненную ее собственному главнокомандующему, хорошо зная, что в национальных армиях солдат лучше всего дерется под командой офицеров, которых дала ему его страна, которые говорят на одном с ним языке и защищают одно дело знакомыми ему идеями и приемами. Мне очень хотелось возможно скорее исполнить желание Першинга. Однако нельзя было для этого приостанавливать или замедлять в конце июля удачно начавшиеся и развивавшиеся операции в Тарденуа, в которых участвовали некоторые дивизии американской 1-й армии. Кроме того, надо было оговорить непредусмотренные случаи, когда окажется необходимым использовать американские войска не под командованием их главнокомандующего. Об этом я и написал 28 июля ген. Першингу. Он настолько хорошо понял смысл моего письма в отношении фронта во Франции, что 29 июля поделился со мной своим беспокойством по поводу посылки американских подкреплений в Италию и просил меня оставаться в этом воп-

росе на моей, известной ему точке зрения, сводившейся к «необходимости сосредоточить наши боевые усилия на Западном фронте», к невозможности «отвлечения части американских сил в другой район».

Впрочем, в том же смысле я ответил и военному министру, который спустя некоторое время передал мне просьбу Нуланса об усилении американским контингентом союзных сил, действовавших в Северной России. Высказывая сомнения относительно необходимости увеличения этих сил сверх численности, установленной Высшим военным советом, я добавил, что снимать войска с французского фронта во всяком случае недопустимо.

* * *

В данное время я насколько возможно ускорил подготовку к наступлению в Воэвре, попросив 4 августа в моей ставке в Бонбоне ген. Петэна закончить эту подготовку к концу месяца, а ген. Першинга — поспешить с формированием американской армии в Воэвре.

9 августа ввиду блестящего развития операций на Сомме надо было как можно скорее перейти в наступление в Воэвре, и мы, чтобы выиграть время, решили на совещании с Петэном и Першингом в Саркюсе, что американская 1-я армия будет сформирована именно в этом районе, а не как было намечено раньше, — в районе р. Эны, где фронт уже стабилизировался. Как мы видим, временно ограничились созданием только одной американской армии.

17 августа Першинг получил директивы для намеченного наступления. Напомнив ему цель наступления — ликвидацию угрозы железной дороге Париж — Аврикюр путем уничтожения Сен-Миельского выступа, директивы указывали ему намеченный для достижения рубеж: линию Буксьер-су-Фруамон (в 6 км к северо-востоку от Понт-а-Муссона), Марс-ля-Тур, Парфонрюп, Безонво. Указывался ему порядок проведения операции, которая слагалась из трех наступлений: 1) одного — к востоку от Сен-Миельского выступа, с фронта Лэмениль, Сешпрэ в северном направлении; 2) другого — к северу от выступа, с укрепленного фронта Калон, Одимон в восточном направлении; 3) третьего, обеспечивающего второе слева, — с фронта Шатийон-су-лэ-Кот, Безонво.

В общем требовалось 18—19 дивизий.

Достижение указанного рубежа с избытком обеспечило бы ликвидацию угрозы железной дороге Париж — Аврикур; преследуя свою непосредственную цель, операция в Воэвре имела бы другие последствия: нанесла бы противнику возможно более сильный удар, достигла бы всех результатов, каких можно ожидать от крупной операции, и создала бы удобную исходную базу для последующих наступлений.

Впрочем, ген. Першингу были предоставлены все необходимые средства. По его просьбе, три американские дивизии (33, 78 и 80-я), выделенные из тех, которыми располагал фельдмаршал Хейг, были переведены из британской зоны в район Мааса. Американская 1-я армия получила от французской армии некоторое количество дополнительных средств в виде артиллерии, боевых припасов, танков, авиации и т. д.. Наконец, ген. Першинг принял командование над французскими силами (тремя корпусами), которые должны были участвовать в американском наступлении.

24 августа главнокомандующий американскими силами приехал в Бонбон и изложил мне общий план и организацию управления войсками для операции в Воэвре. Он также договорился со мной об использовании некоторых американских дивизий в составе союзных армий; так, было решено, что две дивизии (27 и 30-я) останутся в распоряжении Хейга и будут участвовать в операциях в британской зоне, что с 8 сентября еще две дивизии из резерва Першинга (сверх 14 дивизий, предусмотренных для операции в Воэвре) будут готовы к участию либо во французском либо в американском наступлении, в зависимости от обстановки.

* * *

Тем временем ввиду успешного развития наступлений, проведенных союзниками с 18 июля, и все усиливающегося расстройтва противника я решил, как мы увидим ниже, предпринять то решительное наступление, которое в записке от 24 июля было намечено на конец лета или на осень.

В конце августа ряд наших победоносных операций позволял предвидеть более крупные результаты, чем только ликвидация угрозы железной дороге в районе Комерси путем захвата Сен-Миельского выступа. Мы могли подумать о сра-

жении за Мезьер при том условии, что в нем примут участие все союзные армии и что, в частности, американская армия не увлечется собственным наступлением в другом направлении, которое открылось бы перед ней в случае продолжения ее продвижения в Воэвре. Поэтому 30 августа, информировав утром ген. Петэна об этом новом плане, я поехал в Линьи-ан-Баруа и в тот же день повидался с Першингом. Я объяснил ему в общих чертах намеченный маневр, заключающийся в сочетании франко-британских атак, предпринятых в направлении на Камбрэ, Сен-Кантен, с франко-американским наступлением на Мезьер по обоим берегам Мааса. Это наступление предполагалось поручить американской армии, расположенной по обе стороны Эны, при поддержке французской 4-й армии слева и впоследствии французской 2-й армии справа, усиленных 12—16 американскими дивизиями. Оно должно было начаться между 15 и 20 сентября. Тем временем необходимо было не давать передышки противнику и облегчить отрыв от противника и переброску американских соединений, предназначенных для участия в наступлении на Мезьер. Около 10 сентября должна была последовать операция в Воэвре силами, сокращенными примерно до девяти дивизий, и с ограниченной целью ликвидации угрозы железной дороге Париж — Аврикур, т. е. захвата линии Виньель, Тиокур, Реньевиль. Одним словом, чтобы быть в состоянии организовать наступление на Мезьер, от которого я ожидал крупнейших результатов, я вынужден был придать операции в Воэвре значительно меньший размах, чем я намечал в своей директиве от 17 августа, и просить ген. Першинга предпринять новую операцию.

Прежде чем уехать из Линьи, я оставил Першингу записку, резюмировавшую и уточнявшую вопросы, затронутые во время нашей беседы. Эта записка вызвала со стороны американского главнокомандующего некоторые замечания, которые он изложил мне в своем письме от 31 августа.

Чтобы устранить все затруднения и избежать потери времени, мы — Першинг, Петэн и я — собрались 2 сентября в моей ставке. В основу нашей беседы мы положили нижеследующий ответ, который я накануне послал Першингу:

«Моя записка от 30 августа и мои словесные объяснения в тот же день касаются немедленной организации союзниками генерального сражения, которое должно вестись:

- 1) в определенном направлении;
- 2) максимальными силами союзников;
- 3) в кратчайший срок;
- 4) в наилучших условиях в отношении снабжения, а следовательно, и сообщений.

Чтобы осуществить все эти условия, я наметил для американской армии:

а) операцию под Сен-Миелем, в более или менее сокращенном масштабе;

б) наступление на западном берегу Мааса.

При наступлении на западном берегу Мааса не может быть допущено никаких изменений:

а) в отношении направления;

б) в отношении численности вводимых в дело сил;

в) в отношении сроков.

Если вы считаете, как вы сообщаете мне в своем письме от 31 августа, что не сможете провести операцию под Сен-Миелем предварительно или одновременно, даже если ее масштаб будет сокращен, то я полагаю уместным совсем отказаться от нее.

Во всяком случае, чтобы теперь же и без малейшей потери времени организовать операции к западу от Мааса, я прошу вас завтра в 14 час. встретиться с ген. Петэном и со мной с целью окончательно установить в общих чертах порядок проведения этих операций...»

Во время этого совещания было подсчитано число американских дивизий, могущих участвовать в наступлении, и ген. Першинг признал, что Сен-Миельская операция и наступление на Мезьер несколько не исключают друг друга при условии, что они будут проведены быстро одна за другой, а для этого должны быть точно рассчитаны во времени.

В этих условиях было решено, что:

1) наступление под Сен-Миелем с ограниченной целью захвата линии Виньель, Тиокур, Реньевиль будет подготовлено так, чтобы оно могло начаться 10 сентября силами 8—10 дивизий;

2) наступление к западу от Мааса будет проведено 20—25 сентября американской армией (12—14 дивизий, не считая освобождающихся после предыдущей операции) между Маасом и Аргонной и поддержано слева наступлением французской 4-й армии под общим командованием ген. Петэна.

Эти решения были зафиксированы в протоколе, тут же переданном обоим главнокомандующим в ожидании общей директивы, которая была послана им на другой день, 3 сентября.

* * *

Таким образом, вопрос о Сен-Миельской операции после только что указанных поправок и переговоров был, наконец, решен. Однако операция была еще отсрочена на 48 часов против назначенного дня ввиду «чрезвычайной сложности передвижений для сосредоточения войск»¹.

12 сентября после четырехчасовой артиллерийской подготовки, в которой участвовало почти 3 000 орудий, в 5 час. началась главная атака (американские 4 и 1-й корпуса) с фронта Сешпрэ, Лимэ в направлении на Виньель, Тиокур. Она была проведена с такой силой и решительностью, что противнику нигде не удалось задержать ее. Всюду густые проволочные сети были преодолены, огневые точки охвачены и обойдены, а к вечеру заняты намеченные объекты.

Тем временем вспомогательная атака (американский 5-й корпус), начавшаяся в 8 час. с фронта Эпарж, развивалась таким же темпом, как и главный удар; продвижение продолжалось весь день, и ночью атакующие достигли Виньель-лэ-Атоншатель, где 13-го утром была установлена связь между вспомогательной и главной атаками.

Нескольких часов оказалось достаточно, чтобы очистить Сен-Миельский выступ, где противник держался вот уже 4 года и который он теперь не успел полностью эвакуировать, оставив в руках американской 1-й армии 13 250 пленных и 460 орудий.

Это был блестящий успех, с которым я поспешил поздравить Першинга. Для завершения его американской армии оставалось только в последующие дни — 13, 14 и 15 сентября — расположиться перед новыми позициями, занятыми противником, и немедленно принять прочное оборонительное положение.

Надо было спешно снять с фронта часть ее сил и перебросить их на запад от Мааса.

¹ Отчет маршала Петэна.